

В МАТЕ ОТ ТЕБЯ

ТАТЬЯНА ЯКОВЦОВА

Татьяна Яковцова

В шаге от тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42756375

ISBN 9785449688262

Аннотация

В романе «В шаге от тебя» автору удалось легко и с юмором описать глубокие истины на примере жизни главных героев – венгерской журналистки Ники и итальянского бизнесмена Микеле. Молодые люди взрослеют, влюбляются, страдают и совершают ошибки; они меняют города и страны, то удаляясь, то приближаясь к самим себе и друг другу. Но в этот раз даже их ангелы бессильны, они, как и читатель, просто наблюдают за своими такими неоднозначными героями, переживают за них и с нетерпением ждут...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	45
Глава 4	73
Глава 5	119
Конец ознакомительного фрагмента.	135

В шаге от тебя

Татьяна Яковцова

Дизайнер обложки Анастасия Круглова

© Татьяна Яковцова, 2019

© Анастасия Круглова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-8826-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

...Где-то в параллельной вселенной над Атлантическим океаном

– Эти показательные собрания меня уже достали! Вот к чему было опять при всех ангелах напоминать о том, что мы сделали? Ну, вмешались немного в человеческие жизни... Так не мы первые, не мы последние.

– Дорогой, перестань нервничать – у тебя холестерин повысится.

– Дорогая, я ангел – у меня нет холестерина.

– Уже и пошутить по-человечески нельзя.

– Ладно, ладно, прости. Все, я глубоко вдохнул, выдохнул и переключился. Полетели за твоим любимым кофе в этот... Забыл, где он тебе нравится?

– В «Старбакс»? Нет, я на этой неделе кофе не пью, у меня детокс. Так что летим в смузи-хаус.

– Я точно твоя половина? Нас не перепутали ни в какой жизни?

– Дурак! Полетели быстрее. Нам столько всего надо обсудить!

...Где-то на побережье Тихого океана, штат Гавайи, США

– Мы искали именно этот смузи-хаус, любовь моя? Ника-

кой поближе, где-нибудь на Атлантике или в Европе, нам сегодня не подходил?

– Не ворчи, я прошу тебя. Давай сделаем заказ и быстрее посмотрим, кто нас ждет в этот раз!

– Ну, кто нас ждет, мы и так знаем – это мы с тобой. Вот только сколько это будет продолжаться? Сколько еще человеческих жизней должно пройти, пока мы наконец-то полюбим друг друга там, на земле? И вообще, в этом зеленом кафе есть хотя бы кофе для меня?

– Смотрите, кто к нам пожаловал! Какими судьбами на Гавайях?

Несколько пар ангелов расцеловались друг с другом.

– Мы слышали все, что вам наговорили сегодня на собрании – это ужасно несправедливо! И некорректно! Я бы вообще написал петицию об ущемлении наших прав! – наперебой возмущались все вокруг.

– Не напоминайте мне об этом, а ему тем более, – ангел-женщина развела крыльями. – Мы даже до сих пор не посмотрели флешку с нашими новыми подопечными – совсем нет вдохновения.

– И всего-то я устроил небольшой суицид, – вмешался ангел-мужчина. – Но я же из добрых побуждений! Он вскрыл себе вены, его привезли в госпиталь, а она там врач-психиатр – и все, они знакомятся, ей его жалко, они влюбляются... И вуаля – мы на пенсии. И я ловлю рыбу в Финском заливе.

– Ты имел в виду: мы спокойно лежим на Кайманах и за-

гораем, да, дорогой? – Ангел-женщина мило улыбнулась.

– Кто-то наступал наверх об этом. Если бы не этот предатель, никто бы и не узнал никогда. Но самое ужасное не то, что нас лишили возможности три жизни помогать им, а то, что сейчас мы можем использовать только одну подсказку из списка А для своей земной пары.

– Из детского списка? – Все ангелы вокруг открыли рты от удивления, наперебой твердя, какая это несправедливость, и хлопая крыльями

– Да, из детского списка А! Типа он увидел ее во сне, и то неузнаваемую, либо встретил в час пик в метро Нью-Йорка или Токио. И это после трех жизней без нашей корректировки! Я даже боюсь открывать флешку и смотреть, в кого они там сейчас превратились...

– Погодите, в списке А есть одна лазейка, – Ангел с забинтованным крылом подлетел к остальным. – Я когда-то ею пользовался, все очень просто, я сейчас вам расскажу. Это, конечно, не романтическая встреча под луной, но у меня тогда все сработало...

Небольшая справка из частной жизни ангелов

Каждый ангел при рождении получает человеческую пару, так сказать, в нагрузку. Его задача – помочь своему земному другу найти вторую половинку. Преодолеть все препятствия, усовершенствовать себя, познать мир и тому подобное. И все это для того, чтобы ангел вместе со своей небесной

половиной мог спокойно удалиться на заслуженный отдых, так называемую в узком кругу пенсию, и никогда больше не участвовать в земных перерождениях. Но вначале эта пара должна сформироваться на земле, в земном воплощении. Мужчина и женщина должны встретиться в земной жизни, полюбить друг друга и прожить эту жизнь вместе – и только после этого будут все свободны. Некоторым для этого достаточно всего несколько земных жизней, другим – и ста мало, а есть такие единицы, ангелы которых уже сбились со счета, а они до сих пор не нагуляются там, внизу, или просто не поймут элементарные истины о любви и всей этой ерунде...

Глава 2

Я лежала на спине с закрытыми глазами, ощущая всем телом медленное движение волн Атлантического океана. Приоткрыв глаза, я сразу зажмурилась: небо сияло последними на сегодня, но еще такими яркими золотыми лучами. Я потянулась всем телом, перевернулась и поплыла дальше к берегу. Обожаю плавать, мне все равно где – в море или в реке. Но теперь, после двух недель на Канарах, мне хочется плавать только в такой прохладной и прозрачной воде, как здесь. Но больше всего я хочу жить в таком месте, где есть и побережье, и большой город одновременно. Жаль все-таки, что ни Париже, ни в Нью-Йорке нет таких курортов. Ладно, тогда я хочу жить там и каждый месяц летать на побережье. Но только в такие места, где весело, а не как в Картахене. Я вспомнила, как мы с Лолой и ее старшим братом месяц назад ездили в Картахену к их бабушке. Они мне так расписывали прелести этого места: дескать, там везде море и мне там понравится... А что в итоге: мелкий залив с теплой водой, в котором плещутся постоянно кричащие дети. Вместо дискотек – детские площадки. И за неделю никто со мной там не познакомился! А все потому, что там просто никого не было, кроме этих детей с мамами и бабушками.

Я даже вздрогнула от этих воспоминаний и поплыла еще быстрее. Когда я плыву, то всегда мечтаю. Потому что обыч-

но я себе не разрешаю такими глупостями заниматься. Сейчас я мечтала, как выйду замуж. У моего мужа будет большой дом где-нибудь на берегу океана... Я представила себе, как мы будем приезжать туда на выходные, и почувствовала, что именно так все и будет. А как еще у меня может быть? Вот Кэти, например, мечтает встретить свою любовь, и ей все равно, кто он будет, – в общем, она о глупостях мечтает. И еще о детях прямо уже сейчас, по мне это даже больше, чем глупости. Лола мечтает только о карьере, она хочет работать в правительстве Испании. Как по мне, глупость, конечно, тоже, но на ее месте, трезво глядя в зеркало, я бы тоже мечтала только о карьере.

Я перевернулась на спину и посмотрела на почти черные прибрежные скалы. Наверное, Тенерифе не самое лучшее место в мире, но отдыхать здесь мне понравилось. Но только в самом центре! Я вспомнила, как Лола в первый день посадила нас в автобус, со словами, что она тут все детство провела, и повезла осматривать остров. Я до сих пор не пойму, как они меня уговорили сесть в этот шумный жаркий автобус. Но зато я потом поняла, что мы выбрали отель в лучшем месте. И как Лола ни расхваливала Фанабе и Лос-Гигантос, кроме отвесных скал и старых пустых кафе, я там ничего не увидела. Я бы точно с ума сошла, если бы наш отель был где-нибудь там, а потом в один день мы бы приехали сюда, на нашу Плайя-де-Лас-Америкас, а здесь жизнь кипит, все веселятся... Даже не хочу о таком думать.

До берега оставалось совсем немного, я, как обычно, начала заранее наблюдать за приближающимся пляжем. В лучах закатного солнца песок на Тенерифе казался еще темнее, чем днем, – почти черным. На пляже в такое время всегда совсем мало людей. В основном все уходит на набережную, наблюдать за закатом оттуда. Может быть, я тоже так буду делать лет через тридцать или сорок, а пока никак не пойму, что все находят в этих закатах. Особенно мне непонятно, когда молодые парочки сидят, держатся за руки и молча ждут, как за пять секунд солнце утонет в океане, и это все. По мне, рассвет – гораздо красивее.

Я почти доплыла до берега, в нескольких метрах от меня на песке лежали мои Лола с Кэти. Лола что-то читала, зажав сигарету в зубах, а Кэти, как всегда, ела. Я присмотрелась: опять мороженое. Я в который раз подумала: если бы она ела то же, что и я, и плавала со мной хотя бы раз в день, то точно похудела бы за эти две недели. Я скептически глянула на фигуру Кэти и покачала головой.

Справа от наших полотенец расположилась шумная компания. Я всмотрелась в парней, но того, кто меня интересовал, там не было. Красавца француза я так за весь день и не увидела на пляже. «Куда же он подевался?» – в который раз за сегодня подумала я. Он мне так понравился вчера на дискотеке! Как же он поцеловал меня в щечку, когда мы прощались под Тако, я до сих пор чувствовала его запах. Я вздохнула: куда же он пропал все-таки. Ну ладно, все

равно буду выходить из воды медленно, красивой походкой, может, там есть кто-нибудь для меня. Я знала, что еще ни один мой выход из воды не проходил незамеченным. Обожаю эти взгляды, которыми меня провожают мужчины, начиная от подростков и заканчивая дедушками. Но мне, конечно, нравятся те, которым лет по тридцать, – уверенные в себе, с хорошей работой, чтобы уже всего добились. Я запрокинула голову назад и медленно, чтобы с моих длинных темных волос сбегали капли по загорелой спине, горделиво вскинула ее, немного приоткрыв при этом губы. Сколько раз я делала так в ванной перед зеркалом, и пожалуйста – теперь я королева пляжа. «Как же прекрасно все-таки жить», – подумала я в очередной раз и медленно, ни на кого не глядя, вышла из воды. На соседнюю шумную компанию я, конечно, тоже не смотрела, хотя была уверена, что уж они-то меня точно заметили. Ничего удивительного, все, как обычно. Я довольно улыбнулась от этой мысли.

Мне двадцать лет, я люблю жизнь, люблю Мадрид, где живу и учусь уже два года. Но больше всего я люблю себя, потому что знаю, что такой красивой и умной, как я, больше нет. Конечно, я к себе требовательна, даже, наверное, чересчур, но благодаря этому у меня идеальная фигура, я говорю на нескольких языках и учусь в одном из лучших университетов в мире. А еще перед отъездом из Мадрида я прошла кастинг для «Манго» и понравилась сразу. Мне сказали, что готовы снимать меня для зимней коллекции. Я уточ-

нила, где будут мои фотографии – в каталоге, на витринах магазина или бигбордах? Конечно, мне бы хотелось, чтобы на бигбордах, и желательно по всему центру Мадрида, можно еще и по Барселоне. Каждый раз, когда я об этом думаю, у меня в животе все дрожит, стоит мне только представить свою фотографию на большом светящемся бигборде на Пуэрта-дель-Соль или на Гран Виа. Но мне ответили, что это будет известно только после съемок. Я верю, что это все-таки будут бигборды. Я уже снималась в рекламе одной испанской марки спортивной одежды, правда вместе с двумя девочками-испанками. Зато ее целых три месяца крутили без перерыва по телевизору. Я даже к Лоле специально чаще ходила, чтобы посмотреть ее. У меня дома телевизора нет, я никогда не трачу на такое время. И еще мои фотографии в свадебном платье висят прямо на авениде Серрано, в огромном окне свадебного салона. Я бы, конечно, такое платье на свою свадьбу никогда не надела, там все примерно на возраст моей мамы. Зато уже целый год благодаря этой съемке у меня есть мои, самостоятельно заработанные деньги. А теперь, после рекламы «Манго», я думаю, что и за квартиру смогу платить сама и папе не надо будет мне ничего присылать. Меня это очень радует, я так хочу, чтобы папочка мной гордился! Правда, Сильвия, менеджер по рекламе, очень просила меня не загорать сильно, и теперь я все время прячусь под пляжным зонтом, потому что моя смуглая кожа загорает очень быстро.

Я подошла к своим и, едва прикасаясь к телу, промокнула его полотенцем.

– Вы только посмотрите на эту Синди Кроуфорд! – Кэти, как обычно, меня передразнивала, надувая свои и так полные губки и втягивая такие же полные щеки. – Так, признавайся, кого ты тут уже заметила, для кого этот спектакль? Походка от бедра, томный взгляд в никуда... – Кэти засмеялась и оглянулась по сторонам. – Только не говори, что для того дедушки. Или, может, это наш спасатель? Лола, мы что-то пропустили, пока ходили за мороженым?

Я покосилась на спасателя Алехандро, который тут же мне подмигнул. Я закатила глаза и мгновенно отвела их. Я бы не отказалась провести с ним время, но он же простой спасатель, зачем он мне нужен, что я с ним буду делать? Он меня что, позовет в кафе мороженое есть или пиво пить в какую-нибудь забегаловку для местных? Мало того что у него точно нет денег, так с ним еще и поговорить не о чем. Я скривилась.

– Не угадала. – Я бросила в Кэти яблоко. – Кстати, всего 30 калорий.

– О, вернулась зануда! – Кэти закатила глаза.

– Ну не хочешь, я его сама съем, все равно ужинать не буду и тебе тоже не советую.

– Не-е-ет, – Кэти зажала уши руками. – Можно хоть последние дни нас не доставать своими диетами!

Вообще отдыхать с Кэти и Лолой хорошо. Они обе не та-

кие красивые, как я, точнее, как по мне, совсем некрасивые. У Кэти, конечно, грудь пятого размера, но она совсем не упругая, Кэти без лифчика уже сейчас не ходит. Конечно, если бы она похудела килограммов на пятнадцать, то была бы почти красавицей, но лучше не надо. К тому же Кэти – настоящая блондинка, которая всегда смеется, хлопает ресницами и готова влюбиться в любого, кто ей просто улыбнется. Но она моя лучшая подруга уже 15 лет.

Мы подружились в детском саду в Будапеште сразу после нашего переезда туда из Киева. Я еще плохо говорила на венгерском и поэтому не хотела идти ни в какой садик. И когда меня, рыдающую, в первый день мама привела туда, я сразу увидела Кэти – улыбающуюся, всю в розовом, – подошла к ней и спросила, будет ли она со мной дружить. Это была фраза, которую я накануне дома весь вечер учила на венгерском. После садика мы с ней пошли в одну школу, так как жили почти на соседних улицах. Только Кэти, в отличие от меня, жила вдвоем с мамой в маленькой однокомнатной квартире в старом доме, непонятно как еще уцелевшем в районе наших элитных квартир на бульваре Андраши. И хотя у нас в пятикомнатной квартире с огромными потолками, лепкой, паркетным полом и привратником у подъезда мы проводили больше времени, я очень любила приходить к Кэти домой. Ее мама Илария работала утром в каком-то институте, а вечером торговала на ночном рынке. Но при этом она никогда не выглядела замученной или уставшей,

как моя, работающая только в свое удовольствие мама. Илария всегда смеялась, обнимала нас, заплетала нам косички с разными дешевыми заколками с базара, которые мне тогда казались пределом мечтаний – просто потому, что у меня никто на такие рынки не ходил и даже не думал, что мне может такое понравиться. И еще у них всегда, в отличие от нас, была вкусная еда, не деликатесы из супермаркета, а настоящая венгерская домашняя еда. Я вспомнила вкус их домашних блинчиков с изюмом и горячим какао, но потом подумала о пятнадцати килограммах лишнего веса Кэти и мысленно порадовалась, что моя мама никогда не готовила. Жаль, конечно, что теперь мы с ней видимся только на каникулах. Если бы она могла учиться лучше, то, может быть, приехала бы в Мадрид со мной, а не осталась в Будапеште, но об этом можно даже не мечтать.

А что касается Лолы, то с ней вообще проблем нет: Лола – настоящая пацанка. Я таких, как она, вообще не понимаю. Если Кэти постоянно надувает губки, как маленькая девочка, то Лола курит одну сигарету за другой, никогда не красится и со всеми парнями сразу же начинает дружить. С Лолой мы познакомились утром в первый день занятий в университете, когда перед нами, опоздавшими, закрыли двери. Самое удивительное, что ни я, ни Лола обычно никогда не опаздываем. И это, наверное, единственное, что у нас, таких разных, было общего на тот момент – у коренной мадридки Лолы и меня, поступившей сюда чудом по программе обмена

студентами между Венгрией и Испанией. У меня в тот день сломался замок в квартире, которую я снимала только третий день, и мне оставалось или оставить ее открытой, или ждать мастера и быстро его чинить. А прямо на глазах у Лолы таксист сбил собаку, и, конечно, она повезла ее в больницу. Поэтому мы обе в первый день занятий остались стоять под огромными коваными дверями университета. Лола сразу достала сигарету и предложила мне, я, конечно, отказалась.

– Я чувствую, что мы не просто так тут вдвоем оказались, – сказала она тогда и потащила меня завтракать.

Я сразу поняла, что Лола очень умная и активная. И еще совсем не женственная, а значит, не опасная. Ей было очень интересно все про Венгрию, она даже лучше меня знала всех наших президентов. А когда я сказала, что родилась в Советском Союзе, Лола пришла в полный восторг. Оказывается, перестройка и развал Союза были темой ее дипломной работы в школе.

Лола мгновенно находила со всеми общий язык, она могла подойти познакомиться с любым парнем, преподавателем – да с кем угодно. Как все испанки, она была громкой, напористой и до чертиков уверенной в себе. В общем, я сразу поняла, что именно такая подруга мне и нужна в незнакомом городе. К тому же Лола была коренной мадридкой, выросшей в районе парка Ретира, с папой-писателем и мамой – его музой. Она точно знала, куда нам стоит ходить, а куда нет, в каких местах будет только латиноамериканская тусовка.

Я перевернулась на спину и покосилась на шумную компанию справа, которую заметила еще из воды. Мне показалось, что кто-то на меня смотрит.

– Они не из нашего отеля? – спросила я, кивая головой в их сторону.

– Нет, я думаю это вообще местные, – сказала Кэти.

– Они говорят на итальянском, я к ним подходила за зажигалкой еще днем, – как всегда быстро сориентировалась Лола, даже не поднимая головы от книги.

Я покосилась на компанию опять, быстро подсчитав, что там четыре парня и три девушки, а это значит, что кто-то из них без пары. Один явно придурок, сразу отметила я самого громкого в шортах с Микки-Маусом. Ладно, пусть лучше они за мной наблюдают. Я машинально повернулась к ним в профиль. Директор модельной школы в Будапеште всегда мне говорила, что у меня самый выигрышный ракурс – именно в профиль. Я потом долго разглядывала себя с разных ракурсов, даже пошла к маме спросить, с какой стороны я ей больше нравлюсь, хотя сомневалась, что вообще могу ей нравиться. Мама меня, как всегда, не удивила: она, не отрываясь от своих бумажек, сказала, что я занимаюсь глупостями и что все мои модельные школы – это пустая трата времени.

Я вздохнула по Будапешту, мне показалось, что я прямо сейчас даже слышу запах нашей квартиры. Вообще все эти воспоминания и ностальгии – это не мое. Я не храню ста-

рые фотографии, не слушаю песни, которые когда-то что-то значили, но по Будапешту все-таки иногда скучаю. Я быстро остановила себя: сегодня я вообще не собираюсь скучать – тут такой океан, скоро вечер и, может, опять придет красавец француз – и повернулась к девочкам, которые молча на меня смотрели.

– Ну так для кого эти томные позы? Мы так и не поняли до сих пор.

– А вон для него, – я повернулась к компании итальянцев и, чтобы они от меня отстали, просто кивнула в их сторону.

– Будет сделано! – Лола засмеялась. – Ты же знаешь, что для меня познакомиться – раз плюнуть. К тому же я уже почти с ними знакома, парло ун по итальяно. – Она подмигнула нам. – Я уверена, что до вечера мы уже будем друзьями и пойдем в Тако вместе.

Тако – это самая большая и веселая дискотека на Лас-Америкас, куда каждый вечер после десяти ходилась вся молодежь, отдыхающая поблизости, а потом, к полуночи, съезжались на байках все местные. У нас, конечно, тоже каждый вечер заканчивался именно там.

...Где-то в параллельной вселенной на высоте вулкана Тейде, может немного ниже... Тенерифе, Канарские острова, Испания

– Любовь моя, а это точно ты? Эта вертихвостка малолетняя – ты? Может, над нами пошутили? Хотя, – ангел-муж-

чина лукаво прищурился, – узнаю страсть к здоровому питанию... Это же надо было потащить меня сегодня за смузи на Гавайи, чтобы все равно вернуться потом на Атлантику!

– Да я, я, конечно, ты что, не узнаешь мой идеальный профиль? Не смейся, пожалуйста, над ней. Я как раз пытаюсь отыскать в ней хорошее, даже линзы надела... кстати – как я тебе в голубых линзах?

– Ты думаешь, у нас есть шанс с этой fifой Никой? Возможно, я ее немного дистанцирую от тебя? Пока, по крайней мере? А то я могу...

– Ах ты свинья!.. – В ангела полетел кусок замерзшей лавы, от которого он еле успел увернуться. – Мы еще на тебя не смотрели! Ника ему не понравилась! Читай лучше про эту подсказку из списка А. Все случаи из практики читай, умник!

– Шучу, шучу! Я уже весь интернет перерыл, я знаю, как все устроить. Мы сделаем так, что они никогда не будут счастливы и довольны тем, что имеют, пока не встретят друг друга. Просто легкие чувства тоски, безысходности, грусти, неудовлетворенности. И память, где-то совсем глубоко в душе, память о том, что у них есть мы...

– Давай вначале посмотрим на тебя. Хотя звучит неплохо как для детского списка.

– Все потому, что я у тебя гений, моя ненаглядная. Быстро поцелуй своего ангела и полетим поужинаем. Наш земной друг никуда не денется, все равно с Никой полная катастро-

фа... Это точно лет на двадцать растянется.

– Ты что, накаркаешь еще... Девочка просто совсем молоденькая, нечувствительная, немного холодная – не спорю, эгоистка, конечно.

– Эгоистище, я бы сказал. Как она без наших обычных советов от всего этого избавится, чтобы найти меня, то есть его? Как она про любовь вообще узнает, если ей до нее еще жизнью десять? Я уверен, что она и слова такого не понимает, только, конечно, если это не что-то само собой разумеющееся по отношению к ней. К черту ужин, ты права, полетели смотреть на меня...

Я стояла в номере перед зеркалом в голубом коротком сарафане с открытой спиной и рассматривала свое отражение. На кровати громоздилась целая гора одежды. Кэти с Лолой уже убежали вниз в бар, они терпеть не могут, когда я долго собираюсь вечером. Я была этому только рада, потому что меньше всего мне нравится слушать их комментарии, я и сама знаю, что мне во всем хорошо. Все-таки сняв сарафан, я надела шорты, отметив, что они стали еще свободнее, хотя мне уже некуда худеть. Как жаль, что мне не хватает роста – всего каких-то пять сантиметров, – чтобы стать манекенщицей. Мне так во всех агентствах и говорят: снимайтесь в рекламе, об остальном забудьте. А хотелось бы работать на показах в Нью-Йорке... Я вздохнула: ну что ж, буду журналисткой. Надеюсь, это интересно. То, что мы учим, пока

мне не очень нравится, разве что писать, и то только потому, что у меня это получается лучше всех на курсе. Наконец-то определившись с майкой, я подумала, что все-таки лучше, если я просто выйду замуж за очень богатого мужчину и стану красивой обеспеченной женой. Подкрасив и так длинные черные ресницы тушью и нанеся блеск на губы, я послала себе в зеркале воздушный поцелуй.

В этот момент зазвонил мой мобильный, я поискала его под ворохом одежды и увидела на дисплее «Папочка». Подпрыгнув от радости, я как можно быстрее прижала телефон к уху.

– Папочка, привет, мой родной!

– Ты бы хоть раз мне с таким энтузиазмом ответила! – Вместо веселого папиного голоса я услышала, как обычно, ровный и невыразительный мамин.

Я закатила глаза и стала собирать с кровати в шкаф одежду, чтобы хоть чем-то полезным занять бесполезное время разговора с мамой.

– А почему ты с папиного телефона звонишь? – спросила я.

Я хорошо знала мамину манеру позвонить и ничего не говорить, не спрашивать, а просто с безмолвным укором ждать чего-то от меня. Поэтому я научилась быстро заполнять паузы разной чушью.

– Алекс разбил мой. Алекс, кстати, твой младший брат – если ты помнишь, что он у тебя есть, – которому не меша-

ло бы иногда звонить. Он, между прочим, скучает за тобой. – Мамина интонация не изменилась ни на секунду.

Я с тоской посмотрела в окно: там, внизу, бар, там весело и музыка, а тут, как всегда, нудная, задерганная чем-то мама. Несмотря на то, что Алекс был ее любимцем, мне последнее время казалось, что она только так говорит, а на самом деле и он не в состоянии ее хоть как-то встряхнуть, оживить.

– Ну, дай ему трубку сейчас, – я, как всегда, старалась говорить приветливо.

– Его нет дома, он во дворе гуляет.

Так что же ты начинаешь, хотелось мне крикнуть, но я, как обычно, сдержалась. Я вообще никогда не кричу, потому что всегда себя контролирую. Я ради приличия поинтересовалась, как погода, как Алекс себя чувствует, и попросила наконец-то дать трубку папе. Мама так ничего и не спросила ни про Канары, ни про наш отдых, как всегда, впрочем. Мне иногда кажется, что она до сих пор не запомнила, в каком университете и тем более на каком факультете я учусь.

– Никусик, родная моя! – Услышав голос, я сразу же представила, как папа рад меня слышать, как он сейчас улыбается.

Меня сразу накрыло теплой волной любви, как же мне захотелось, чтобы он меня обнял своими крепкими руками и прямо сейчас вдохнуть его запах...

– Папочка, как ты? Я соскучилась по тебе.

– Так что, я вылетаю на Канары?

Я была бы счастлива, но знала, что у папы работа. Он – известный хирург в центральной больнице Будапешта, и к тому же без мамы он никуда не ездит, а мама – без Алекса. А это уже совсем не то, от одной мысли о них я нахмурилась.

– Тебе нравится там? Может, ты присмотришь, куда и нам полететь в сентябре?

– Да, мне все очень, очень нравится. Тут такой океан, ты был бы в восторге!

– Нюша, у меня садится телефон, я тебя целую, не скучай там! Я знаю, что ты у меня умница и у тебя все будет хорошо. И Катрин поцелуй от меня! – Папа засмеялся, и связь оборвалась.

Я поцеловала трубку после разговора. Какое же счастье иметь такого отца и знать, что я для него – все, что он никогда не любит так, как меня. Я еще раз глянула в зеркало и, счастливая, выбежала из номера.

Кэти с Лолой я увидела издалека, вокруг них уже собралась толпа. Лола, как всегда, громко смеялась и что-то доказывала какому-то парню в полосатой футболке. Кэти сидела с бокалом между двумя парнями и тоже заливалась от смеха. Я присмотрелась и поняла, что это наши вчерашние знакомые с дискотеки, мне сразу же захотелось развернуться и уйти.

Зачем сидеть с этими студентами из Белоруссии? Они совсем дети, причем такие глупые! Мне их общества хватило и вчера. Сейчас опять начнут меня просить переводить. Са-

ми даже английского не знают, а смеются над моим акцентом на русском! Они, придурки, кроме русского языка, вообще ничего не знают, пять предложений на английском могут сказать, и то с ошибками, все больше заводилась я, подходя ближе и наблюдая всеобщее веселье. А я и на русском говорю, и на венгерском, и на английском с испанским. И они еще над моим акцентом будут смеяться! И Кэти меня бесит: стоит кому-то обратить на нее внимание, как она тут же тает прямо на глазах, а что они придурки, ее совсем не смущает. В таком настроении я подошла к столику, заставленному пластиковыми стаканчиками и тарелочками с орешками и чипсами. Ко мне сразу подскочил Макс, схватил меня за руку и начал просить перевести Кэти, что он завтра обещает повезти ее в Лоро-парк, если она сегодня все медленные танцы в Тако будет танцевать только с ним и его поцелует. Я фыркнула: как хорошо, что не нравлюсь таким дурачкам, и с ледяной улыбкой перевела все дословно с русского на венгерский. Кэти, как всегда, начала глупо хихикать. Она уже почти две недели никак не могла уговорить никого из нас поехать в Лоро-парк. Лола, как коренная испанка, его наизусть знает, она на Канарах все детство провела. Я к животным равнодушна, так что тратить день на попугаев и пингвинов меня уговорить невозможно. Я показала девочкам на часы, при этом делая вид, что больше никого за нашим столиком нет – давая понять, что нам уже пора.

– Так мы тоже пойдем в Тако, – попытался опять подско-

читать ко мне Макс, но я сделала шаг в сторону и он свалился между столиками. Они еще и напились, закатила я глаза и, схватив девочек за руки, потащила их к выходу. Кэти повернулась к Максу и что-то опять начала говорить про Лоро-парк, но я все-таки оказалась быстрее, и мы вышли из отеля одни. Теперь мы не спеша двигались в сторону Тако, рассматривая витрины с украшениями, часами, бриллиантами самых известных мировых ювелирных домов. Набережная Лас-Америкас – мое любимое место здесь, мне так нравится, что она вся сияет, блестит, что везде висят новогодние гирлянды, а от витрин с украшениями вообще невозможно оторваться, особенно когда любишь украшения так сильно, как я. Тут Лола дернула меня за руку:

– Смотри, кольцо с голубым камнем, точь-в-точь как у тебя.

– Да, – я посмотрела на свою руку.

«Память о Михаэле», – подумала я. С Михаэлем я рассталась окончательно год назад, когда летом приезжала в Будапешт на каникулы. До моего отъезда в Испанию мы целый год были вместе. Михаэль старше меня на 7 лет, он ювелир, моя первая любовь и первый мужчина. С радостью отметила, что внутри ничего не дрогнуло от воспоминаний. «Молодец, – похвалила я себя, – полностью его разлюбила, я собой горжусь». Все-таки я не понимаю, что такое любовь, когда можно полюбить, а потом разлюбить и забыть. Я захотела поделиться своими мыслями с Кэти, но потом остановилась:

она точно меня не поймет. Она до сих пор не верит, что я больше ничего к нему не чувствую. Она и сейчас постоянно говорит мне, что не может забыть, как я на него смотрела, что невозможно вот так смотреть, а потом в один момент разлюбить. Сто раз ей объясняла, что у меня все прошло, как только я узнала, что у Михаэля проблемы на работе – с лицензией, компаньонами – и, ко всему прочему, еще куча долгов. Когда я об этом узнала, то сразу поняла, что мне парень с такими проблемами не нужен. Я все прямо так и объяснила ему в тот вечер, когда он пришел встречать меня после тенниса и все это рассказал. Он тогда был такой поникший, наверное, ждал, что я его пожалею. Как же он не понимал: если бы я его пожалела, он бы сразу стал мне совсем противен. Я вообще не понимаю, как можно жалеть мужчин. Поэтому я сразу ему сказала, что мы больше не встречаемся, пусть приходит, когда решит свои проблемы. И вот каждый раз, когда я Кэти это рассказываю, она мне не верит, говорит, что я не могу быть таким чудовищем – я же женщина. А в понимании Кэти, женщины – это те, кто всех жалеет, утешает, успокаивает. А я не понимаю: хорошо, пожалела бы я его тогда, а что потом? Постоянно слушать его нытье? Но это же был бы уже не мужчина!

Михаэль мне звонил еще долго, даже когда я в Мадрид уехала, все надеялся, что передумаю. И больше всего меня раздражало, что он звонил и ждал, что я его буду подбадривать. Неужели он не мог позвонить и сказать, что со всем

справился, что у него теперь все еще лучше, чем было? Мне это непонятно. Так что через год, приехав домой на каникулы, я ему сразу сказала, что у меня есть парень. Соврала, конечно. Хотя я тогда влюбилась в доцента с кафедры испанского, но он какой-то странный: никак не отреагировал, когда я на листочке с контрольной написала ему свой номер телефона. Хотя весь семестр с меня глаз не сводил! А когда увидел контрольную, покраснел, поставил мне высшую оценку, но больше на меня не смотрел. Однозначно, он странный!

– Кстати, помнишь ту компанию итальянцев на пляже? – услышала я голос Лолы. – Так вот, я с ними познакомилась!

– Ух ты, когда ты успела? – перебила Кэти, которая шла, все время глупо хихикая. Ох как я не люблю ее после двух бокалов шампанского! Она становится такой глупой, что больше всего мне хочется ее задушить.

– Пока ты пила шампанское и училась русскому языку, я пошла за сигаретами, а итальянцы всей компанией стояли возле маркета. Так что все получилось само собой. И кстати, – она повернулась ко мне, – там есть твой поклонник.

Я даже глазом не моргнула – я вообще уже не помнила о них.

– Принцесса сегодня настроена серьезно, – рассмеялась Кэти. – Принцессу сегодня не трогать! – Она шутя толкнула меня в бок.

– Так вот, – продолжила Лола, – мы стали обсуждать с ни-

ми, где в Тако лучше делают «Лонг-Айленд» – в нижнем баре или в верхнем, а один из них говорит в этот момент: «Эты с двумя подружками на пляже сегодня вечером у Медитерраниана была?» Я отвечаю: «Да». Он: «А девушка в белом купальнике, такая... – и показывает, какая у тебя фигура, – с тобой была?» – «Ну да». – «Красивая подруга, она тоже вечером пойдет в Тако?» – Так что готовься! – Лола подмигнула мне. – Он, кстати, очень даже ничего, настоящий итальянский мачо. Они постарше, и я так поняла, что как раз он без девушки. Он с длинными волосами, высокий и с очень приятной улыбкой. Я тебе покажу его. Я уверена на сто процентов, что он придет.

Я действительно не могла вспомнить никого из той компании, хотя, наверное, был кто-то с длинными волосами.

Мы наконец-то подошли к Тако. Здесь, как всегда, было оживленно уже у входа. Несмотря на то, что здание дискотеки с первого взгляда больше напоминало ангар с шиферной крышей и, глядя на него днем, можно было подумать, что это оптовый склад, вечером оно полностью преобразилось. Неприметная передняя стена раздвигалась, и за ней появлялись панорамные двери, создавая ощущение огромного пространства. Над входом загоралась ярко-малиновым неоновым светом вывеска в обрамлении двух постоянно мигающих губ в стразах.

Сразу возле входа стоял круглый, тоже светящийся неоновыми полосами, помост, на котором танцевали пиджейки,

развлекая одновременно толпу у входа и внутри зала. В глубине виднелась лестница на второй этаж. На втором этаже прямо на полу были разбросаны мягкие кресла, между которыми стояли маленькие круглые столики. Там же был второй, более спокойный бар и небольшой танцпол, где музыка была всегда тише и спокойнее. На второй этаж обычно все перемещались уже ближе к утру.

Мы зашли внутрь. Было еще рано, только десять часов, люди пока виднелись только возле бара. Даже на танцполе пока только одни пиджейки. Я оглянулась: увидела знакомых девчонок из Севильи, с которыми мы на днях сидели за одним столиком, и парочку гостей из нашего отеля, мы кивнули друг другу. Но я продолжала осматривать зал в поисках француза, с которым вчера танцевала весь вечер, но так его и не увидела. Сегодня я весь день повторяла то небольшое, что знала из французского. Жаль, что не помню, как его зовут, кажется, Луи, а может, и нет.

Как хорошо иметь такие способности к языкам, как у меня, думала я, продолжая осматривать огромный зал. Есть же люди, которым это не дано, и я с сожалением посмотрела на Кэти. Ей с трудом давался даже английский. Сейчас ей, конечно, приходится говорить на нем все время из-за Лолы. Мы говорили на английском между собой, но для меня и Лолы это было легко, а Кэти приходилось постоянно подыскивать слова. Если бы не ее постоянная улыбка и хорошее настроение, мы бы, конечно, намучились с ней.

Как всегда после шампанского, Кэти покрылась красными пятнами. Мы уже знали, что минут через тридцать это пройдет, но сейчас она выглядела ужасно. Сделав глоток морковного сока, я покосилась на стоявший перед Лолой «Лонг-Айленд». Я пью алкоголь только в крайнем случае, если очень нужно, потому что наутро у меня от него темные круги под глазами.

Лола пила уже второй коктейль, я определила это по тому, что ее всегда тянет поговорить о чем-то серьезном даже на дискотеке, вот как сейчас, к тому же я узнала этот ее взгляд с прищуром. После длинной паузы, сопровождавшейся медленным помешиванием коктейля трубочкой, она сделала несколько быстрых затяжек и подняла на меня свои почти черные глаза.

– Скажи мне, а вот ты совсем не скучаешь по Михаэлю? – спросила она, взяв меня под локоть.

Я с надеждой посмотрела на танцпол, надеясь сбежать, но там по-прежнему было пусто. И зачем я только рассказала ей про него?

– Просто мне интересно, как можно так любить человека, а потом разлюбить его только потому, что у него проблемы на работе? Его же, наоборот, нужно пожалеть в этот момент и еще больше любить, морально поддерживать... Ну как у твоих русских классиков, у того же Толстого.

Лола училась на философском факультете и читала наверняка больше, чем я, но не обсуждать же нам теперь на дис-

котеке Толстого.

– Ну не могу я любить мужчину, который может допустить неприятности. Понимаешь? Мне такой не нужен!

– Она же Снежная королева, – развела руками Кэти, уже протрезвевшая от выпитого шампанского и теперь с удовольствием доедавшая из вазочки шоколадное мороженое. – Она может все из сердца с корнем вырвать. Ты даже не представляешь, как она его любила вначале. Да, да, и не возражай.

Она повернулась ко мне, приложила руку к моим губам и продолжила:

– Видела бы ты, как она кругами, как бы случайно, ходила вокруг его мастерской, когда он заканчивал работу, – Кэти подмигнула Лоле, – и меня с собой таскала, заставляя брать из дома пакет с чем-нибудь, будто мы идем из супермаркета. Хорошо, что это было недалеко от дома. А как она три дня не ела, чтобы влезть в красное платье на его день рождения, а как Тору ходила листать в книжный магазин на Ракоци через день... Скажешь, не правда?

Кэти со смехом убрала руку.

Разозлившись, я отвернулась: нашла что вспомнить. Лола оживилась, ведь о Торе я ей, конечно, не говорила. И вообще, это были детские глупости.

– Это в корне меняет дело, – Лола страстно закурила, – смена религии – это очень, очень...

«Ну что, – зло ухмыльнулась я, – забыла умное слово?»

Тут заиграла «Макарена», хит этого лета, и я быстро вы-

бежала на танцпол – подальше от портящих настроение разговоров о прошлом. Разве это интересно, если так хорошо сейчас, прямо в эту минуту, а все остальное совсем не важно.

На следующий день с самого утра мы уже лежали на пляже. Я всегда встаю рано, даже когда вечер заканчивается под утро. Например, как вчера, когда мы вернулись в номер только в четыре утра. Потом еще немного посмеялись, поболтали, в общем, засыпали мы, когда уже начинало светать. Несмотря на это, в восемь я спустилась к завтраку. Девочки знают, что со мной они голодными не останутся, поэтому спят спокойно, не думая ни о чем. Этим утром все, как обычно: я принесла им завтрак, раздвинула тяжелые темные шторы и открыла окна, в надежде, что от музыки, доносящейся от бассейна, они быстрее проснутся.

Сегодня такой замечательный солнечный день. В совершенно новом бирюзовом купальнике с блестками и в такой же тунике я была такая красивая, что на завтраке все официанты посылали мне воздушные поцелуи. А один мужчина с двумя детьми так засмотрелся на меня, что сбил со стола блюдо с помидорами. И уже неважно, что француз в Тако так и не появился, да и вообще ничего интересного вчера не произошло. Даже этот загадочный длинноволосый итальянец, которому я так понравилась, и тот не пришел. Какое это имеет значение, если это все было вчера, а уже наступило сегодня.

– Подъем! – пропела я над ухом у каждой из моих краса-

виц и, получив сразу с двух сторон подушками по спине, выбежала из номера, повесив табличку с просьбой убрать номер. Теперь я была уверена, что горничная быстро заставит этих сонь выйти ко мне на пляж.

Мы наслаждались последним полным днем отдыха: завтра летим домой. Мы отправимся в Мадрид втроем. Кэти пробудет со мной еще десять дней до начала занятий. Я уже знаю, что потом буду по ней скучать. Она единственная, с кем бы я с удовольствием даже жила в одной квартире. Я на секунду представила, как Кэти ухаживала бы за мной, готовила нам еду, слушала обо всех моих приключениях. Я вздохнула, понимая, что это нереально.

Почему же эти итальянцы вчера не пришли? Кажется, одного из них я все-таки видела в Тако.

– Кстати, странно, что итальянцы вчера не пришли, – как будто прочитала мои мысли Лола. – Этот так о тебе спрашивал, я была уверена, что они раньше нас там будут, и он сразу прибежит знакомиться с тобой.

– Это ты о ком? – очень натурально удивилась я.

Меньше всего мне хотелось, чтобы Лола знала, что я только что о нем думала.

– Девочки, ну пожалуйста, давайте поедem в Лоро-парк после обеда. Хоть на полдня, я вас очень, очень прошу, – Кэти сложила ладошки. – Я утром на ресепшене смотрела буклет, там пингвинчики такие маленькие, такие лапочки, такие крошечки.

Мы с Лолой со вздохом переглянулись.

– Ладно, – кивнула я.

– А-а-а! – запрыгала от радости Кэти.

– Но, но, – я подняла палец. – Там наверху в номере есть одни сережки с бирюзовыми перьями, длинными...

Вздыхнув, я демонстративно закатила глаза.

– Да конечно забирай, дарю! – Кэти не могла успокоиться от радости.

– Ну что ж, созерцание природы, а особенно ее жителей успокаивает нервы, – вздохнула Лола и потянулась за сигаретой.

– Кафка? Шопенгауэр? – с серьезными лицами воскликнули мы в один голос и побежали купаться.

Последний вечер на Тенерифе подходил к концу, мы не пошли в Тако. Кстати, Лоро-парк оказался на удивление интересным. Эти пингвинчики действительно такие смешные, что даже я была рада, что мы поехали туда, хотя, конечно, никому в этом не призналась. Наоборот, все время, пока мы были в парке, я делала вид, что если бы не бирюзовые сережки, ноги моей тут не было бы. Но вообще мы хорошо повеселились там и уезжали последними. Когда мы подъехали к отелю, было уже десять вечера. Ни о какой дискотеке не могло быть и речи, все так устали, что мечтали только поесть в каком-нибудь кафе.

Мы не спеша шли по набережной, в надежде найти свободный столик, и подводили итоги нашего отдыха и всего

лета. Лола считала, что это лето было не лучше и не хуже предыдущего.

Кэти пребывала в таком восторге от Тенерифе, что готова была расплакаться: так ей не хотелось отсюда уезжать. А у меня со вчерашнего дня появилось странное чувство, первый раз в жизни, будто мне чего-то не хватает. Даже не так: как будто есть что-то мое, но я не могу это иметь, не знаю что это, но это чувство стало периодически появляться у меня в груди. Я погрузилась в эти мысли, даже не слушая девочек. Никогда раньше я такого не чувствовала. Может, у меня просто опять гемоглобин в крови упал и начинается анемия? Я думаю именно в этом все дело. Я решила обязательно заказать вечером рыбу и, выкинув это из головы, вернулась к окружающему меня блестящему и веселому миру.

На набережной все было как всегда: разноцветными огоньками светились витрины магазинов и ресторанов, играла живая музыка. Хулио Иглесиас и Фрэнк Синатра во всех возможных обработках были здесь фаворитами. Ресторан «Ла Каса де Пьетро» мы облюбовали еще в день приезда. Здесь была самая вкусная еда, и теперь мы мечтали, чтобы там нас ждал свободный столик. Мы подошли к их террасе, огороженной от дороги карликовыми кипарисами, увитыми гирляндами желтых огоньков. Здесь не было живой музыки, как в других ресторанах, зато было ощущение, что ты ужинаешь где-то в Будапеште, в тихом дворике, и сейчас ма-

ма Кэти принесет домашних блинчиков. Но нас, голодных и уставших, ожидало разочарование. Все столики были заняты. Официант поднял брови и развел руками, показывая, что шансов нет. Я с тоской оглядела террасу и встретила взглядом с двумя молодыми мужчинами, которые сидели за большим столом и пили коктейли. Еды на столе не было. Может, они сейчас уйдут, только и успела подумать я, как один из них показал официанту на нас и на пустые стулья за их столом.

– Грасиас, грасиас, – наперебой затараторили Лола с Кэти и быстро пошли к столику.

Мы уже третий час ужинали с Марио и Хосе. Оба были испанцами и жили в Мадриде, как я поняла из разговора, обоим было около тридцати. Они прилетели только сегодня утром, а мы уже завтра должны уезжать. Это самое ужасное и несправедливое, что могло произойти в этой поездке. А все потому, что рука Марио последний час лежит на спинке моего стула, и каждый раз, когда я облакачиваюсь, чувствую, как его пальцы гладят мою шею. Когда я наклоняюсь, чтобы что-то сказать, или он наклоняется ко мне, я чувствую запах его туалетной воды, и у меня внутри все переворачивается. А еще я не чувствую усталости и проклиная все на свете, что в единственный вечер, когда не переоделась, а вышла в пляжных шортах и майке, без макияжа, я встретила его.

Лола сразу нашла общий язык с занудным молчаливым Хосе. Я всегда поражаюсь, откуда берутся эти скучные муж-

чины, с которыми она всегда находит, о чем поговорить, а главное – им всегда интересно друг с другом.

Я сразу дала всем понять, что Марио мой. Когда Кэти попыталась сесть возле него, я аккуратно, но уверенно ее подвинула. Когда она, выпив второй бокал шампанского, как обычно начала смеяться по поводу и без, я показала ей на щеки, чтоб она вспомнила о пятнах и перестала быть такой веселой. Первый час я не могла понять, кто же понравился Марио: он все подливал Кэти шампанского и постоянно ее смешил. Но я убеждала себя, что не могут же такому красавцу со спортивной фигурой нравиться девушки с лишним весом. Наверное, он футболист или теннисист... Я не могла оторвать взгляд от его жилистой загоревшей руки с сигаретой и от его ярко-голубых глаз. И только почувствовав руку Марио, немного расслабилась, понимая, что он мой. Как я вообще могла допустить мысль, что будет как-то иначе!

Со мной происходит что-то странное, точнее с моим телом: я больше не могу ни проглотить кусок чего-то, ни даже сделать глоток воды. Мне кажется, что я даже дышу через раз. А когда чувствую его палец у себя на шее, у меня внизу живота все переворачивается. Я не могу больше спокойно сидеть рядом с ним, мечтаю, чтобы мы наконец ушли от всех и остались вдвоем. Поэтому я уже второй раз повторяю, что мне интересно посмотреть на внутренний двор их отеля и что мы все время хотели туда зайти, но все времени не было. В этот момент даже Лола оторвалась от разго-

вора о конституции Испании и подняла брови. Дело в том, что они остановились в «Дель Дуке» – самом дорогом отеле на побережье, с закрытой территорией, и даже если бы мы очень хотели туда зайти, нас бы никто не пустил.

Наверное, Марио понял мой намек, потому что через десять минут мы с ним уже вдвоем шли в обнимку по набережной. В тот момент меньше всего меня волновало, что я не только не знаю, чем он занимается, но и то, что я вообще знаю его всего пару часов. Я знала только, что никогда не чувствовала ничего подобного и никогда никого так сильно не хотела.

В три часа ночи к нам в номер аккуратно постучался Хосе. С виноватым видом, улыбаясь и прикрывая рукой глаза, он сказал, что так устал, что с удовольствием поспит и на балконе, если мы выделим ему одеяло.

– Нет, я пойду к себе, – я села на кровати.

Конечно, мы еще не спали и, если бы Хосе не пришел, мы, скорее всего, продолжили бы. Но я всегда помню, что спать нужно у себя дома. Хотя после такого секса я точно не усну. Все это время мы даже ни о чем не разговаривали. Ну и не надо, это же был просто секс, незабываемый курортный секс. Марио потянулся за сигаретой и нехотя встал с кровати.

– Может, останешься? – Видно было, что меньше всего ему сейчас хочется одеваться и идти меня провожать.

– Нет, – я махнула головой и, будто случайно прижимаясь

к нему бедром, встала с постели.

Наши отели были совсем рядом, это и хорошо, и плохо. Плохо, потому что сейчас мы расстанемся, а он даже не попросил мой телефон. А хорошо, потому что мы идем молча и мне немного некомфортно. Но все равно мы сейчас так страстно поцеловались у входа в отель, что о телефоне я просто не буду думать. Я аккуратно открыла номер и на цыпочках прошла к своей кровати.

– Если завтра ты встанешь в семь утра и разбудишь нас, – прохрипела со своей кровати Кэти, – мы тебя убьем.

Я засмеялась, сейчас даже если бы мне угрожали бандиты, или я порвала любимое платье, или потеряла контракт с «Манго», ничто не испортило бы мне настроение.

На следующий день я проснулась еще раньше, чем обычно. Те несколько часов, которые мне удалось поспать, мне снился Марио. Я чувствовала, что мое тело наполнено какой-то сумасшедшей энергией. Я не могла усидеть на месте и побежала плавать, чтобы хоть как-то переключиться, но все мои мысли все равно были о вчерашней ночи. Я поняла, что мне еще никогда не было так хорошо. Но сегодня последний день на Тенерифе, и я должна перестать думать о нем, потому что если он не придет и не попросит мой номер телефона, я буду чувствовать себя полной дурой. Поплавав, я немного успокоилась, только опять вернулось это странное чувство, эта непонятная волна острой тоски в груди. Отмахнувшись от нее рукой, я огляделась по сторонам. На пляже

еще никого не было, кроме нескольких женщин, делающих зарядку возле воды. Как же здесь красиво: горы, черный песок... Может, я зря игнорировала закаты? Вот если бы понаблюдать их с Марио...

«Так, Ника, прекрати о нем думать», – я попыталась взять себя в руки и побежала в номер. Там меня ждал сюрприз в виде уже проснувшихся Лолы и Кэти.

– О, а мы думали, кто-то с утра уже убежал в «Дель Дуке», – засмеялась Кэти.

Они сидели на кровати и рассматривали на экране фотоаппарата фотографии со вчерашнего похода в Лоро-парк. Неужели это было только вчера? Мне кажется, что прошла уже целая вечность.

– Я плавала. Мой режим никто не отменял, – фыркнула я.

– Смотри, смотри, какая маленькая панда, – они вырывали друг у друга фотоаппарат, не обращая на меня внимания. Похоже, им неинтересно, как я вчера провела вечер. Мне стало обидно, и я ушла в душ.

За завтраком мы все-таки обсудили наших новых друзей. Я надеялась, что Лола через Хосе знает о них больше, чем я. Не могли же они всю ночь про конституцию разговаривать!

– Послушай, это ж не мы вчера всю ночь сексом занимались. Это ты должна все о них знать. Так что выкладывай.

Но я молчала. Как же им объяснить, что мы вообще ни о чем не говорили! Но меня спасла Лола.

– Ну что вам рассказать, у Хосе своя фирма, как-то свя-

занная с едой. То ли они хамон упаковывают, то ли где-то его перекупают. Живет он в Барахасе, не женат, но у него есть девушка, они вместе учились в универе и только год назад начали встречаться. Он очень приятный и образованный. Видишь, сколько я всего знаю? – Лола улыбнулась.

– А почему девушка не с ним?

– Она полетела на Мадейру с родителями.

Как назло ни слова про Марио она так и не сказала. А я спрашивать не буду. Но меня выручила Кэти.

– А про Марио он что-то рассказывал?

Я только встала, чтобы принести еще фруктов для нас, но тут же опять села.

– Да ничего особенного, я поняла, что они давно дружат, но точно не учились вместе. Вот и все, и еще Марио живет в Гойе.

«Вау, – подумала я, – это же мой любимый район Мадрида, самый лучший».

– Ну, теперь ты, красотка, рассказывай. Как Марио? Вы с ним уже договорились о встрече? Сегодня или сразу в Мадриде?

Я широко улыбнулась, проклиная все на свете, ведь знала: правильная, верящая только в глупую любовь Кэти ни за что не поймет, почему Марио еще не здесь с букетом каких-нибудь сорванных с ближайшей клумбы цветов или почему еще мой телефон не разрывается от его сообщений.

«Вот дура», – разозлилась я про себя на подругу.

А Лола так вообще, кроме Карима, с которым она в выпускном классе встречалась, ни с кем не встречалась и не спала. Но тоже готова рассуждать о том, как все должно быть.

– Только не ври, что тебе не понравилось. У тебя такая улыбка, что тарелочка лимонов сейчас не помешала бы. Рассказывай, где и когда будет свидание.

Теперь они смотрели на меня вдвоем. Кэти даже есть перестала.

Как же мне им объяснить, если они вообще ничего не понимают во взрослой жизни, что там все совсем по-другому, без этой глупой романтики и каких-то шаблонов. А я вот точно знаю: когда чего-то сильно хочешь, совсем неважно, как ты это получишь.

– Сами все увидите, – сказала я первое, что пришло мне в голову, и стала в очередь за омлетом, которого совсем не хотела.

Но Марио меня не подвел. Они с Хосе пришли на пляж в обед. Я как раз ушла за водой, а когда вернулась, увидела, что они сидят на наших лежаках с девочками. Какое же удовольствие я испытала!

Я больше не ревновала его к Кэти и могла не спешить, мне было нужно, чтобы он первым меня заметил. Я старательно делала вид, что очень удивлена, что увидела их тут, хотя мое сердце выпрыгивало из груди.

Марио приобнял меня за бедро одной рукой, не вставая

с лежака. Какой же он сексуальный днем, с этой щетиной. Еще лучше, чем вчера! Я не могла оторвать от него взгляд. Хорошо, что солнечные очки закрывали мои глаза.

Оказывается, они только проснулись и теперь звали нас обедать. Так что мы договорились встретиться через час во вчерашнем ресторане. Я была удовлетворена. Дело за малым – он обязательно должен попросить мой телефон.

Во время обеда мы болтали, шутили, рассказывали им о Тако, когда туда лучше ходить, где коктейли лучше. Я уже ревновала его ко всем девушкам, которых он там встретит.

Телефон я специально положила на стол, периодически делая вид, что проверяю, не пришло ли мне сообщение. До нашего отъезда в аэропорт оставалось всего два часа. Вещи уже сложены, номер сдан, так что мы могли провести оставшееся время с ними.

– Давай, – повернулся Марио ко мне.

– Что давай? – улыбнулась я, уже понимая, о чем речь, и сразу чувствуя прилив уверенности.

– Телефон давай, чтобы я не искал тебя по всему университету. А то я там не учился, заблужусь, украдут меня там красавицы студентки и все, – развел он руками.

Я продиктовала номер. Он свой не оставил и меня не набрал. И ничего страшного, я бы все равно звонить не стала. Наверное. Да нет, точно бы не стала, хотя... Ох уж эти волны внизу живота... может, и позвонила бы....

Глава 3

«Что за странное чувство? Эй! Что происходит, почему вдруг так сжалось сердце?» – я сделал глубокий вдох. На меня вдруг накатила такая острая тоска, как будто мне очень сильно чего-то не хватает. Я машинально прижал руку к груди, мне захотелось, чтобы меня кто-то обнял прямо сейчас. Я оглянулся, ну не Стефано же просить об этом, правда? Ведь этот придурок надумает непонятно что, а потом еще три дня будет вспоминать и подкалывать меня.

«Фух, отпустило, вроде бы», – я расслабился. Странно, я же не курил траву уже пару недель, что это было? Прошло и ладно.

Начинался закат. Огромный ярко-желтый шар погружался в окрашенную его лучами золотую воду. Это самое прекрасное зрелище, какое мне доводилось видеть. Здесь я наблюдаю за закатами почти каждый день и ни разу еще не видел двух одинаковых. Вдруг мой взгляд задержался на выходящей из золотой волны богине, у меня перехватило дыхание, так гармонично смотрелась эта девушка в белом купальнике на фоне сверкающей воды. Я не мог рассмотреть ее лица против солнца, но уже чувствовал, что хочу смотреть на изгибы ее тела всегда. Она медленно вышла из воды и подошла к двум подругам, лежащим на песке. Как плавно она двигается, я не мог оторвать глаз от нее, кажется, я даже

дышать перестал.

«Ну, давай, отойди немножко в сторону, чтобы солнце не мешало рассмотреть твое лицо», – мысленно просил я.

Я собрался с мыслями, пытаюсь быстро придумать повод подойти к ним. Вот если бы она отказалась итальянкой. В этот момент Стеф ткнул мне пальцем в ребра. Я подскокил, мне почему-то не хотелось, чтобы он заметил ее.

– Эй, Тио, – мы тут все друг друга так называем, канаем под местных. – На завтра есть клиенты на доску.

Он потряс перед моим лицом своим новым мобильником, заставляя обратить на него внимание.

– Хорошо, – рассеянно ответил я, отводя взгляд от моей богини.

Да, клиенты – это всегда хорошо. А учитывая, что я уже три дня не выходил на воду и здорово скучаю по волне, да и через два дня нужно платить за аренду, то вдвойне. На Лас-Америкас и рядом совсем не было волн в эти дни. Вчера я хотел поехать в Медано, но знакомые серферы сказали, что там тоже штиль, так что всем пришлось заняться подкраской досок. Но раз уж есть клиенты, я с удовольствием поеду куда угодно. Я поднял голову вверх, в небе начинали собираться темные облака, может, завтра еще и ветер поднимется. Я скрестил пальцы на удачу.

Интересно, Стеф сегодня опять останется у Лорены? Я глянул на этого придурка: он как раз мазал и так уже почти черную от солнца ее спину маслом. Заметив мой взгляд, он

сделал вид, что слизывает его. Я покрутил пальцем у виска. Было бы неплохо, если бы он остался.

С надеждой я посмотрел на девушку в белом купальнике. Мне так и не удалось разглядеть ее лицо. Сейчас был виден только профиль, и то спина ее подружки наполовину его загораживала. Если бы Стеф не отвлек меня, я бы сразу подошел познакомиться, а теперь, черт, я засмутился и опять чего-то жду. Сейчас еще одно пиво и точно пойду. Я открыл бутылку и чокнулся с остальными.

– А можно я завтра поеду с тобой? Мне так нравится наблюдать за большими волнами, – вдруг спросила Лорена.

На месте Стефа я бы в этот момент призадумался. Со вздохом пожав плечами, я согласился. А что мне еще оставалось? Скажи я нет, она тут же подключит Стефа. А тот, даже не вникая, начнет возмущаться. Так что лучше сразу согласиться. Надеюсь, завтра она передумает.

Лорена, конечно, стерва еще та: узнала, что у Стефа своя ферма в Тоскане, и вцепилась в него, как удав. Но Стеф – трепло, про ферму он рассказал ей во всех подробностях. Только забыл уточнить, что ферма не его, а родителей невесты.

Джулиан пошуршал в пакете из «Меркадоны».

– Ау, ребята, пива больше нет.

– Мальчики, пошли за пивом. Что тут уже сидеть? Нам еще надо переодеться перед Тако.

Я опустил очки, сделав вид, что не слышу. Очень хорошо,

пусть идут. Краем глаза я опять посмотрел на нее, любуясь темными волосами. «Итальянка, пожалуйста, услышь меня там наверху, пусть все-таки будет итальянка».

– Пошли, Микеле, – подтолкнул меня Стеф, – ты сегодня платишь. Или забыл?

Черт, совсем вылетело из головы, что вчера я продул ему на бильярде, и сегодня весь день покупаю пиво. Я нехотя встал, еще раз окинул взглядом пляж, задержавшись на ней, и загадал: если она будет сегодня в Тако, я к ней подойду. Приняв это решение, я поплелся за остальными.

Где-то в параллельной Вселенной на крыше отеля на Плайя-де-Лас-Америкас, Тенерифе, Испания, на шезлонге...

– А ты у меня красавчик однако.

Ангел-мужчина втянул живот и расправил плечи.

– Конечно. А ты сомневалась?

– Я серьезно. Микеле – очень интересный парень и такой милый. Я бы на месте Ники в него влюбилась.

– Хочу тебя огорчить. Именно на ее месте ты в меня и не влюбилась, – ангел демонстративно скрестил крылья на груди.

– Не может быть. Я что-то пропустила, пока летала за мороженым? Просто там было так много наших. Пока со всеми поздоровалась, ты же понимаешь.

– А Ника за все это время не обратила на него никакого

внимания. Хотя, заметь, нам повезло: они хоть и из разных стран, но встретились здесь, на одном пляже, и он сразу же на нее запал.

– Вау! Какое начало! Как я люблю, когда такое происходит! – Ангел-женщина протянула другу бокал вина. – Твоя любимая испанская Риоха.

– Не радуйся раньше времени, посмотрим, что будет вечером. Они должны встретиться, но лучше бы этого не произошло, потому что сейчас она его не оценит. Спасибо за вино, я ждал этого момента весь день, примерно с первого глотка гавайского смузи. И кстати, я уже доработал нашу подсказку и послал им, он успел ее оценить...

– Ты знаешь, я согласна, лучше бы они не встречались сейчас. Это может все испортить... Как жаль, что мы не можем вмешаться: устроить легкое отравление или встречу с другой женщиной... Но ничего, зато я знаю, что мы можем.

– Можем слетать еще за одним мороженым...

– Тебе бы только о еде и удовольствиях думать. Нет, мы должны полететь в архив и посмотреть, что происходило в их предыдущие три жизни. Ты же понимаешь, что все, что они не проработали, сейчас всплывет. Так мы будем хоть как-то готовы.

– Хм, идея хорошая, доступ нам уже открыли. Только кинотеатр для вечернего просмотра выбираю я.

– О нет, неужели опять в Ноттинг-Хилл? Тебе нужно к психоаналитику, ты никак не закроешь гештальт из своей

английской жизни.

– Любовь моя, не начинай, прошу тебя. Ты же знаешь, там лучшие бургеры с красным маринованным луком, солеными огурчиками и мраморной телятиной. А бархатные кресла такие удобные. И я мог бы даже выкурить вечером сигару.

– Ты еще смокинг одень. Ладно, полетим в Лондон, но на счет психоаналитика все равно подумай...

– Я куплю тебе каких-нибудь зеленых проростков, только не ворчи, любовь моя...

Мы стояли возле «Меркадоны», решая, где будем пить перед Тако: у нас дома или все-таки пойдем в бар.

Кроме меня и Стефа, были еще Джулиан с Хуаном и три испанки из Барселоны – Лорена и сестры Анита и Роза. Они познакомились с нами, когда мы переодевались на дороге после серфа. Точнее, Лорена пыталась познакомиться со мной. Но я не люблю, когда девушки сами знакомятся, и проигнорировал ее. А Стеф, конечно, сразу клюнул на эти сиськи. Я покосился на торчащие под почти прозрачной белой футболкой соски Лорены. И вот уже две недели Стеф будто помешался на ней. Знать бы, что так будет, я б его сюда вообще не звал. Собирались провести этот месяц сами, одни мужики, а теперь пляшем под их дудку из-за его амурных дел. Джулиан и Хуан водятся с сестричками просто за компанию, у них тут таких, как они, тьма. Уверен, через неделю они и не вспомнят, как их звали. Если, конечно, сейчас

помнят. Курорт есть курорт. Хотя они-то как раз абсолютно нормальные девчонки. Не то что эта ведьма сиськастая. А у Стефа свадьба же уже совсем скоро...

Вдруг кто-то прервал мои размышления, тронув меня за рукав. Я оглянулся: передо мной стояла молоденькая девушка. Она попросила разменять десять евро для автомата с сигаретами. Я полез в карман за мелочью и понял: это же подружка моей богини с пляжа. Испанка, определил я по речи. Мы разговорились, девушка оказалась бойкой, только, похоже, намного младше меня. Надеюсь, они хоть не школьницы.

– Откуда ты? – спросил я.

– Я учусь в Мадриде, – ответила девушка.

– А твоя подруга тоже оттуда? – на всякий случай уточнил я.

– Мы учимся в одном универе, – рассмеялась она.

– Ну что ж, передай ей привет. Увидимся вечером в Тако. Я вас найду, – пообещал я и помахал на прощанье рукой.

Вообще-то, я не очень люблю испанок: они слишком много говорят, вот как Лорена. Но ведь должны же быть и исключения. У меня перед глазами опять возник изгиб ее тела на фоне золотого неба. Я улыбнулся. Мне захотелось писать. Если бы не Стеф, живущий у меня, я сейчас же засел бы за книгу. Ну ничего, мое вдохновение теперь никуда не денется.

Лорена с сестричками, виляя бедрами и со смехом посы-

лая нам воздушные поцелуи, ушли переодеваться в свой номер. Наконец мы остались одни, и никто не болтает без умолку. По-моему, обрадовался этому не только я. Мы вчетвером, не сговариваясь, потянулись за пивом и молча устроились на парапете.

Мне двадцать восемь лет и больше всего я люблю эту жизнь. Люблю своих придурков друзей и конечно свою Италию, точнее Тоскану. Мой выложенный розовым мрамором Гроссето снится мне почти каждую ночь. Но уже почти два года я здесь, на Тенерифе, потому что в Италии нет работы. Конечно, было бы здорово работать по специальности: изучать историю Тосканы, сидя в каком-нибудь просторном прохладном здании типа Сиенской пинакотекки, с умным видом сдувать пыль со старых книжек, перекладывая их с полки на полку. Но только тогда моей маме нечем было бы платить за квартиру. Да и на нормальную еду вряд ли хватало бы, учитывая ее пенсию.

Поэтому я повесил свой диплом в рамочке дома на стене и кем уже только не работал за это время. Выращивал цветы, возил в Венгрию вещи на продажу, подрабатывал в пиццерии, пока не оказался здесь, в Испании. Теперь я работаю гидом. Показываю итальянцам соседние острова, учу детей кататься на серфе... Почти все деньги отправляю маме. По вечерам я веселюсь с пацанами, иногда трахаю латиносок и пишу книгу. Надеюсь, когда-нибудь я ее допишу, даже если не эту, то другую точно, может, с моими стихами. Потому

что на самом деле моя мечта – стать известным писателем, жениться на такой красивой девушке, как я видел сегодня на пляже, чтобы она обязательно меня понимала во всем, и чтобы у нас с ней были сын и дочка. И еще обязательно вернуться в Гроссето и поселиться в большом доме вместе с мамой. Я улыбнулся своим мыслям.

Так что на Тенерифе я не навсегда. Может, годик еще поработаю, поднакоплю немного денег. А тогда вернусь домой и открою собственное экскурсионное бюро. Тоскану я знаю так хорошо, что когда начинаю о ней рассказывать, остановить меня невозможно. Будет у меня свой офис, да еще и книга моя выйдет... А следующую книгу я напишу о Маремме... и тогда туда тоже поедут туристы, откроют наконец наш аэропорт в Гроссето. Я понял, что опять слишком замечтался и одернул себя. Уверен, что-то из этого у меня точно получится. Стеф всегда говорит, что я один такой дядя, который, несмотря ни на что, постоянно доволен жизнью, и у которого всегда все получается.

Я закинул соленую от океанской воды длинную прядь волос за ухо и посмотрел на Стефа. Тот уже пару минут толкал меня в плечо, говоря с кем-то по телефону.

– Ирэна, – произнес он одними губами, показывая на трубку, и закатил глаза.

Мы дружим со Стефом еще с универа. Я учился на историческом факультете, хотя хотел поступать на философский. Но мама тогда сказала, что только через ее труп, что ей хва-

тило моего отца-философа, который бросил нас, когда мне было три года. А Стеф учился на экономическом, куда он каким-то чудом попал, переслав с преподавательницей математики прямо перед экзаменом. Историю эту я узнал, когда мы уже подружились с этим типом, иначе никогда бы не поверил. Но к тому моменту мы выкурили с ним не один косяк у нас в общаге под Курта Кобейна, так что я ему уже полностью доверял.

– Как это ты в аэропорту? Ты шутишь, кара моя? – Стеф вскочил и принялся ходить вокруг столика. Разговаривая с Ирэнной, он всегда машинально вставал и начинал суетиться. Мы замерли. – Она здесь, только что прилетела с подругой, – зашептал он нам, закрыв телефон рукой.

На него было жалко смотреть. Он стоял такой смешной, в мокрых шортах с Микки Маусом, худющий, с кучей разноцветных браслетов из ниточек, которые они с Лореной накупили по одному евро на днях у африканок и тут же нацепили все сразу себе на руки. Джулиан заржал как псих, показывая, как Стеф слизывает крем со спины Лорены на пляже. Хуан был не в курсе амурных дел Стефа, он вообще его недолюбливает, поэтому молча уткнулся в свою книжку.

– Конечно, я лечу к тебе, моя душа, и Микеле тоже. Знаешь, как он за тобой соскучился?

Я замахал руками, показывая, что я никуда не лечу. Но Стеф уже отключил телефон и взмолился, упав на колени. Тот еще актер.

– Мике, выручай. Прошу тебя, я не могу ее сейчас видеть, сам понимаешь. Мысленно я не с ней. Как она могла прилететь, о боги! Она взяла отгулы на работе на пять дней, целых пять дней, – Стеф завыл. – А Лорена уезжает через два. Я должен что-то придумать.

– Да что тут думать? Забудь про Лорену, каникулы закончились, баста, – развел руками Джулиан, протягивая нам только что скрученный косяк. Мы со Стефом отказались.

– Я тебя прошу. Ты можешь встретить их сам? А я пока с Лореной встречусь.

– Нет! И не проси, – замахал я руками у него перед носом. – Я сейчас иду домой, ем, переодеваюсь и потом – в Тако.

– Какое Тако? В Тако нам теперь нельзя, там же Лорена и девочки. А тут теперь Ирэна, – Стеф чуть не расплакался.

– Это у тебя, дружище, тут Лорена, там Ирэна, а я сегодня наконец-то собрался хорошо провести время.

– Ты мне друг или нет? Или ты из-за какой-то девчонки меня в беде бросишь? Ты думаешь, я не видел, на кого ты пялился на пляже?

Надо отдать Стефу должное, на людях он вечно изображает клоуна, кажется, что ему бы только шутить, но при этом он умудряется все всегда замечать. Мне даже иногда кажется, что у него есть лишняя пара глаз на затылке.

– Тебя вчера не было в Тако, а я ее видел. Она всю ночь танцевала с каким-то наутюженным хлыщом, французиком

прилизанным, в белых брючках. Ты бы видел, как она вокруг него извивалась. Уверен, он потом ее не просто до отеля проводил. Ты не ее полета, дядя. Или ты готов сейчас потратить на нее все, что заработал?

От его слов меня передернуло. Хотя на что я рассчитывал? Я же ее совершенно не знаю. Настроение упало, вдохновение исчезло, будто его и не было. Я злился на себя, что Стеф смог одной фразой выбить меня из колеи.

– Ну пожалуйста, – заскулил он, складывая ладони перед грудью, как буддистский монах. – Удели один вечер своему лучшему другу.

– Тогда я поеду за Ирэной прямо так, в мокрых шортах, весь в песке, – оглядел я себя, поднимаясь с парапета. – Это же никого не смущает?

В ответ Стеф кинулся ко мне с объятиями.

– Только смотри, назад езжайте медленно. Может, где-нибудь остановитесь, чтобы поесть по дороге. Я тебе сейчас дам денег.

– Да ладно, прекрати, лучше давай ключи от машины, – Стеф протянул мне ключи, уже разговаривая с Лореной по телефону.

– Моя хищница, как там твоя спинка? Ты знаешь, что твой маленький львенок уже скучает? – это было последнее, что я услышал, уходя за машиной.

Дорога в аэропорт сегодня была почти пустая, мне оставалось совсем немного. Я ехал, слушал Дюран Дюран и пы-

тался думать о героине своей книги. Но мысли постоянно возвращались к ней. Теперь, когда я уже отошел от слов Стефа, и понимал, что тот, как всегда, получил от меня то, что хотел. А я, как ребенок, опять повелся на все. Хотя знаю же какой он манипулятор, но все равно каждый раз ведусь.

Даже если она вчера с кем-то была, ну и что? Она ведь еще меня не знала тогда. Я тоже вчера провел у Лалы всю ночь, но это же ничего не значит. Я представил, что сегодня ночью после Тако мы могли бы пройтись по набережной, выйти на пляж, а там такие звезды... Я себя одернул, понимая, что сегодня ничего не получится. Тогда завтра, завтра точно я ее найду. Даже представить страшно, что они могут уехать. Я плохо рассмотрел ее лицо, но уверен, что узнаю ее, почувствую ее точно...

Ирэну я сразу заметил в толпе туристов в зале прилетов, за эти годы она стала еще красивее, чем была. Я вообще не понимал Стефа, зачем ему какая-то Лорена, когда рядом Ирэна – настоящая итальянская красавица. Как Джина Лоллобриджида или Софи Лорен, с длинными черными волосами, пухлыми губами и такими аппетитными формами. И в конце концов с таким небедным папой и всеми его фермами. К тому же она обожает этого придурка. Его же вечно тянет к каким-то проституткам.

– Мике, Мике, черт побери, ты все такой же красавец! – закричала Ирэна и бросилась ко мне на шею. – Фу, какой ты соленый. Надеюсь, тебя тут никакая туристка не захомутила?

Ты нам нужен дома холостой, знаешь, сколько девушек там по тебе до сих пор сохнет?

Отстранившись, я вопросительно посмотрел на нее. Уж я точно никому дома ничего не обещал. И вообще, за свои двадцать восемь лет я серьезно ни с кем не встречался. Это был или просто секс, или мои пустые мечты, которые ни к чему так и не приводили.

Только сейчас я заметил, что рядом стоит девушка в простом темно-синем коротком платье. На голову выше Ирэны, с прямыми русыми волосами, с длинными ровными загорелыми ногами в грубых сандалиях.

– Это Эли, – представила нас Ирэна. – А это наш Микеле, по нему все девушки Гроссето сохли, хоть он сейчас и будет делать вид, что понятия об этом не имеет.

– Эли – это Элизабет или Элеонора? – Я сжал протянутую мне худую холодную руку, пропуская мимо ушей последнюю фразу Ирэны.

– Элеонора, – тихо сказала она каким-то бесцветным голосом.

– Эли из Флоренции...

Я еще раз взглянул на нее. Вот уж не подумал бы. Может, это мне так не везло во Флоренции, но все, с кем я там знакомился, или уже были супермоделями, или наверняка знали, что скоро ими станут.

– ...А сейчас на стажировке у нас в Гроссето, – продолжала Ирэна. – Мы работаем вместе. И главное – Эли никогда

не видела океан, – Ирэна засмеялась, – так что, синьор серфер, у вас есть задание – показать этой красавице, что такое волны.

Не знаю, почему я так разозлился, Ирэна вроде ничего такого не сказала. Просто я так не люблю, когда меня пытаются с кем-то знакомить. А то, что это именно так и было, я сразу почувствовал. Так что Эли я возненавидел еще в аэропорту.

Я выехал на трассу, но никак не мог успокоиться, какая-то серая мышка, в невзрачном мятом платье и мужских сандалиях. Я посмотрел на нее в зеркало заднего вида, чтобы еще раз убедиться. Но Эли сидела на краю сидения, развернувшись к окну, и по-моему вообще не обращала на нас внимания. Мне стало немного легче.

А Ирэна все это время не замолкала ни на секунду. Она сто раз спросила у меня, как Стеф умудрился поскользнуться, и точно ли мы от нее не скрываем что-то более серьезное.

Это он такую легенду придумал, чтобы объяснить, почему не смог приехать в аэропорт. Сказал ей, что упал и ему нужно срочно на рентген в госпиталь. Хорошо, что успел мне сообщение с этим бредом отправить, пока я еще ехал за ними. С самым серьезным видом я, недолго думая, сказал Ирэне, что Стеф упал, когда бежал купить ей цветы, целое ведро роз хотел купить, уточнил я.

«Пусть теперь выкручивается, как хочет», – злорадно думал я, представив, как Ирэна теперь точно потребует свое ведро роз.

– Знаешь, Мике, после свадьбы мы, наверное, переедем во Флоренцию. Папа нам уже квартиру там купил.

Я присвистнул, ведь во всех своих мечтах я видел себя дома в Гроссето вместе с придурком Стефом.

– Рад за вас, конечно. Но даже не верится, что вы будете жить далеко от меня.

– Я переvedусь туда работать. Хотя, может, я вообще работать не буду. Дети все-таки сейчас появятся и все такое. А Стеф, – Ирэна задумалась всего на секунду. – Ты же знаешь его, с его языком он нигде не пропадет. Ну и папа конечно нам поможет.

Флоренция конечно бесподобна! Пока я учился в университете, ездил туда почти каждую субботу. То в Пинакотеку, то в королевскую галерею... Уффици я знаю наизусть. А на купола капелл могу смотреть часами, стоя на площади Микеланджело. Но я бы ни за что не хотел там жить. Слишком уж она для меня вычурная, что ли. Для меня она слишком шумная и людная, будто там нечем дышать. Обычно я проводил там пару дней, наслаждаясь ее историческими красотами, но потом меня всегда остро хотелось домой. Мне нужно было видеть горы и луга из окна, а не все эти нереально красивые жилые дома и толпы туристов. Хотя Стефу наверняка будет там хорошо. Он-то как раз задыхался в Гроссето. Ему там всегда не хватало зрителей и суеты, которую он так любит.

Как ни странно, несмотря на невзрачный вид, Стефа сра-

зу все запоминали, где бы мы ни были. Так что в Гроссето Стефа не знали разве что в интернате для слепых. Я уже мысленно видел его в средневековой Флоренции, уходящего через лабиринты старого города от очередной своей дамы. Представил себе, как он оглядывается, несколько раз пересекает мосты туда-назад... А потом обо всем этом кому-нибудь рассказывает в полголоса за чашкой кофе, преувеличивая все еще в пару раз... И я понял, что да, Флоренция идеально подойдет ему.

До дома оставалось совсем немного. Если ехать очень медленно, то минут десять, а если по короткой дороге для местных, то максимум три. Нужно было тянуть время. Я предложил остановиться перекусить, но девочки были не голодны. Пришлось снова соврать. Я сказал, что у меня нет ключей от дома, они у Стефа. У того Стефа, что уже час как отключил телефон. Но мы конечно в один голос решили, что он у него сел.

И чтобы все-таки не стоять под дверью, сели ужинать. Стеф жил у меня и, я так понял, что девочки тоже остановятся в моей квартире. «Хорошо, что у меня две спальни», – подумал я и внутренне напрягся, глянув на Эли, продолжавшую мечтательно смотреть по сторонам. Собеседница из нее никакая, это я сразу понял. Но, по крайней мере, она не проявляла ко мне явного интереса, за что я был ей благодарен.

– Микеле, ау! – тормошила меня Ирэна, читая меню. – Я не говорю по-испански. Закажи мне пиццу, только попроси

без соли и перца, я сейчас на диете. Эли, а ты что будешь?

Эли выбрала сэндвич и кофе. Зная местную пищу, я решил, что она сделала правильный выбор. Я старался не думать, где будет спать Эли. Но в одном я был уверен: точно не со мной. Я готов был поклясться, что этого никогда не произойдет.

Прошло четыре дня, и сегодня мы опять едем в аэропорт. На этот раз за рулем Стеф. Липовая повязка на кисти совсем не мешает ему вести машину, больше того, он даже иногда постанывает, показывая на «ушибленную» руку. Ирэна с обгоревшим носом и растрепанными волосами, как обычно, не умолкает. Она в восторге от Тенерифе и даже хотела бы провести здесь медовый месяц. Но папа уже присмотрел им отель на Сардинии с отдельными виллами, личным консьержем и джакузи. Я в который раз поражаюсь, как Стеф умудряется испытывать искренний восторг и от виллы на Сардинии, и от пива с косяком на грязных ступеньках какого-нибудь кубинского бара. Хотя в этот раз я заметил, что рядом с Ирэной он как-то становится тише и меньше. Мне все-таки кажется, как бы он ни хорохорился, но ферма, джакузи и квартира в центре Флоренции медленно делают свое дело. Особенно учитывая его детство в однокомнатной квартире на окраине Гроссето и маму, моющую подъезды для всего квартала.

Я вспомнил, как Лючия, мать Стефа, всегда, когда мы заходили к ним домой, рассказывала мне, что ее сын самый

умный на курсе. Рассказывала так уверенно, будто это она с ним училась там, а не я. Услышав это в первый раз, я решил, что она шутит. Но глянув на абсолютно серьезную Лючию, в накрахмаленной черной косыночке, я понял, что она и не думала шутить на такие серьезные темы. Ни капли не смутившись, Стеф тогда нежно обнял ее и сказал, что Микеле и сам это знает.

На улице я, смеясь, спросил, к чему было это вранье. На что он абсолютно серьезно ответил, что его мать закончила три класса школы, и все, о чем она мечтала, – это чтобы он закончил десять. Когда же он поступил в университет, она решила, что он просто гений. Поэтому он продолжает ей говорить, что самый умный на курсе.

Меня тогда поразили две вещи: во-первых, то, какой контраст был между таким светским Стефом и его молчаливой, по-деревенски простой матерью. И во-вторых, то, как безоговорочно она в него верила. Я даже задумался тогда, верит ли моя мама в меня так же сильно. В любом случае мне не на что было жаловаться. Ванду, конечно, не проведешь, что я лучший ученик, учитывая, что она сама работает учительницей в школе. Но я знаю, что роднее меня у нее никого нет, и что ради меня она сделает все. Да и все мои друзья ее обожают. Еще с детства все привыкли, что к нам домой можно приходить в любое время и болтать с ней обо всем на свете. Для всех она самая современная и общительная мама.

От этих мыслей меня отвлекло прикосновение Эли, она

сидит рядом со мной на заднем сиденье, гладит меня по руке и улыбается. У нее красивая улыбка, от которой на щеках появляются ямочки и идеально ровные белоснежные зубы. А еще она смотрит на меня с восхищением и почти все время молчит, только иногда кивает и улыбается. Вчера у нас был первый секс. В первую ночь я так переживал, кто где будет спать, так психовал, что меня с моими двумя спальнями фактически поставили перед фактом, что быстро напилсья, быстро занял свою кровать, на всякий случай устроившись по диагонали, и уснул раньше всех. Так что я до сих пор не знаю, где она спала в ту ночь.

Когда я встал, был уже полдень. Все куда-то разъехались, и я в одиночестве, с головной болью и бутылкой пива почти до вечера смотрел по евроспорту «Формулу-1». Стеф позвонил после обеда и как ни в чем не бывало позвал к ним на пляж в Фанабе. Я отказался, напомнив ему о клиентах, которых он сам вчера мне нашел. Стеф был очень весел, расхваливая (как я понял, специально для Ирэны) грязный пляж Фанабе. Он же не мог повезти их на Лас-Америкас, где они точно встретились бы с Лореной.

Взяв себя в руки и выпив кучу аспирина от головной боли, к вечеру я все-таки заставил себя поехать на серф. На Лос-Гигантос действительно были волны. Чутье меня не подвело. Причем такие волны, что я забыл обо всем и после занятий катался сам до темноты. Головную боль и раздражительность как рукой сняло. Под вечер ко мне на волнах присоединил-

ся Хуан. Когда мы уже переодевались возле машин, я попробовал к нему переночевать. Хуан – нормальный парень, он мне посочувствовал:

– Если невеста Стефа говорит хотя бы вполовину столько, сколько он, я бы сразу чокнулся. Кстати, а как подруга ее оказалась, ничего?

– Не мой типаж.

– Ясно, тогда за пивом и да здравствует Классико сегодня. О лучшем вечере я не мог и мечтать.

На следующий день, когда я вернулся домой, то застал там Эли одну. Она стояла на кухне в том же платье, в котором прилетела, и мыла посуду. Оказалось, Ирэна со Стефом уехали еще с утра в Лоро-парк. Я хотел спросить, неужели она не любит животных, но, глянув на гору идеально вымытой посуды, решил промолчать. Эли тоже молчала. Чтобы сгладить неловкую паузу, я зачем-то рассказал ей, как вчера катался до ночи, как встретил Хуана. Вспомнив, что она не знает, кто такой Хуан, рассказал еще и о нем. Эли продолжала молча вытирать столешницу на моей кухне. Мне стало некомфортно и я зачем-то сказал, что у меня сейчас опять занятие. И тогда она попросилась со мной на серфинг. Я испытал облегчение от того, что она все-таки заговорила, поэтому сразу согласился. Мне было немного стыдно, что я бегу от нее как дурак. Может, я все себе нафантазировал, может, она и не планировала, что-то иметь со мной.

По дороге я разошелся и без перерыва рассказывал о пля-

жах на Тенерифе, о вулкане, о том, как красиво на севере острова. Эли больше молчала, только иногда улыбаясь, а я чувствовал, что должен заполнить чем-то эти неуютные паузы. Я сделал крюк, чтобы показать ей мой любимый пляж Бенихо. Мы вышли из машины у высокого обрыва, внизу приютилась маленькая безлюдная бухта, скрытая от туристов, абсолютно незаметная с кольцевой дороги. Нужно было или точно знать, где она находится, и, бросив машину, спускаться по полуразрушенной лестнице по склону горы через лабиринты старых улиц или подняться по заброшенной горной дороге, как это сделал я, и любоваться ею сверху.

А еще здесь можно было слушать ветер. Обычно я приезжал сюда, садился на парапет, свесив над пропастью ноги и прикрыв глаза, оставляя лишь маленькую щелочку для золотистого солнечного света, слушал, как порывы ветра шумят в унисон с волнами. Я показал, как это делается, и, кажется, у нее получилось. Похоже, ей даже немного понравилось. Хотя по ее виду было сложно понять, хорошо ей или нет. Я совсем не мог почувствовать ее настроение.

Но в целом я немного отошел, почти не думал о своей богине. Точнее, я, конечно, думал в те моменты, когда все еще злился на Стефа, что он испортил мои планы, когда засыпал пьяный в первый вечер, когда лежал ночью на диване в гостиной у Хуана и дрочил. С другой стороны, я ее больше нигде не видел, что не удивительно, учитывая мой образ жизни в последние дни. В Тако мы, конечно, не ходили из-за Ло-

рены, которой Стеф тоже что-то наврал. Так что сейчас спокойнее всего было играть сидеть у меня на балконе, играть в карты и пить или курить.

Наконец-то мы доехали до Лос-Гигантес. Сегодня волна была еще больше, особенно на глубине. Весь горизонт был в разноцветных досках, казалось, здесь собрались все, кого я только знаю. Захваченный свежестью океана, мощностью его огромных волн и соленого ветра, я забыл, что приехал не один.

Про Эли я вспомнил, когда занимался с Дани. Я терпеливо ждал, пока он рассмотрит рисунки на доске и соберется с духом для первого заплыва. Отвернувшись от него, я скользнул взглядом по берегу и увидел ее. Она сидела на парапете у машины, я был уверен, что именно на том же месте, где я ее оставил час назад и в той же позе. Волна злости чуть было снова не захлестнула меня, но я тут же начал опять чувствовать себя виноватым и быстро успокоился. Попросив Криса минут пять присмотреть за Дани, я поплыл к берегу.

– Раздевайся! – крикнул я, подплывая к берегу.

Эли послушно вскочила и одним движением сбросила сарафан. Я тут же отметил, что у нее хорошая фигура, хотя совсем не в моем вкусе.

«Где же ее бедра?» – подумал я, рассматривая ее, пока она медленно заходила в холодную воду.

Но тут меня ждал сюрприз. Эли буквально сразу поняла, что надо делать с доской. И когда я минут через двадцать,

вернувшись к Дани, оглянулся на нее, Эли очень неплохо скользила по волнам. После моих занятий мы с ней прокатились на волнах до самой темноты.

– Готов поклясться, что ты не первый раз на серфе, – сказал я, когда мы, дрожа от холода, шли к машине переодеваться.

– Первый, – ответила она. – Просто я всегда занималась спортом.

– Каким?

– Волейболом, еще со школы. Потом в университете играла за сборную. Отвернись, пожалуйста, – Эли стояла передо мной, прикрывшись сарафаном и не решаясь переодеться.

– Здесь же темно. Я ничего не увижу, – засмеялся я.

Мне вдруг захотелось подурачиться, чтобы развеселить ее. Она конечно хорошо стала на доску и волну почувствовала, но я готов был поклясться, что она этим не загорелась, в ней совсем не было огня. Я так и не смог ее почувствовать, совсем. В итоге Эли конечно переодевалась за машиной и я перестал пытаться ее развеселить. Вместо этого я представил на ее месте Лалу: с ней мы занялись бы сексом прямо на заднем сиденье здесь на парковке, я был в этом уверен на сто процентов. Вспомнив ее бархатное горячее тело, я почувствовал эрекцию. Нет, только не сейчас. Я посмотрел на серьезную Эли, вытирающую мокрые волосы у машины, и мое возбуждение плавно сошло на нет. Но дома за ужином я подвинулся к Эли поближе. То ли приехавшие домой Стеф

и Ирэна, веселые, постоянно обнимающиеся, заразили нас своей игривостью. То ли, как это всегда бывает после серфинга, мое тело, напитанное адреналином, хотело секса, и я расслабился. Я больше не вспоминал, что меня с ней специально знакомили. Просто смотрел на ямочки на ее щеках, когда она улыбалась, на идеально ровные ноги, когда она вставала из-за стола, и думал, что сегодня я, пожалуй, останусь спать дома. Как только за Стефом с Ирэной закрылась дверь спальни, я молча взял ее за руку и повел в свою комнату.

Но там что-то случилось, у меня не встал... Со мной такое случилось впервые, ну может, пару раз по пьяни и было раньше, но когда я уже совсем нечего не помнил. Но я практически не пил в этот вечер, два пива и все. Как только мы оказались в спальне одни, мой настрой исчез. И у меня просто ничего не получилось. Я понял, что Эли совсем неопытная и не знает, что нужно делать, и меня не чувствует совсем. Она растерялась, сдавливая мой член сначала руками, а потом ртом, но в итоге в какой-то момент отвернулась молча к стене. Я закурил, но не мог расслабиться, мне мешала ее напряженная спина рядом на кровати. Я посмотрел на еле заметный в темноте след от купальника, провел по нему пальцем и ничего, совсем ничего не почувствовал. Я закрыл глаза, на меня опять накатило чувство какой-то безысходности. Нет, даже не так. Какой-то неправильности, что ли. Чувство, которое надо срочно чем-то заглушить. Я хотел было встать за пивом, но вдруг накотившая слабость остановила меня.

И вместо этого я повернулся к худенькой напряженной спине Эли и резко прижал ее к себе. Так мы и уснули.

Вчера у нас все получилось. Получилось... Я недовольно поморщился: первый раз в жизни я думаю о сексе, не как о радости, а как о каком-то достижении. Эли продолжала гладить меня по руке, а я мучиться от мысли, что вчерашний секс был каким-то неправильным. Не уверен, кто из нас больше переживал, я, потерпевший позорное фиаско, или Эли, которую не захотели. Поэтому старались мы оба, только Эли, кажется, не кончила. Точнее, зачем я себя обманываю, точно не кончила. Может она вообще не кончает, я украдкой посмотрел на ее руку, которая не останавливаясь гладила мою, на ее тонкие пальцы с маленькими ногтями без лака и не почувствовал ничего. На мгновение я даже перестал чувствовать собственную руку. Я вздрогнул, чтобы прогнать это оцепенение. Эли резко отняла руку.

– Я покурить, – тут же засуетился я, – вдруг захотелось. – Зачем-то опять начал оправдываться я, пытаюсь достать сигарету из мятой пачки.

Наконец мне это удалось, и я затащился как можно сильнее. Выпуская дым в окно, я вспоминал Лалу, колумбианку, аниматоршу из отеля на Лас-Америкас, с которой мы иногда проводим вместе время. Когда я хочу Лалу, я еду в Лос-Кристианос, в это латиноамериканское гетто, где они до утра танцуют сальсу в маленьких порочных забегаловках, на темных винтовых лестницах которых ямайцы торгуют кокаи-

ном, а в туалет надо выстоять очередь, пока оттуда не выйдет очередная, только что удовлетворенная прямо там парочка. Так вот и мы с Лалой трахаемся везде: на пляже, в машине, в том же туалете, и у меня дома, понятное дело. И она кончает, это я знаю всегда и наверняка. Она так сжимает мой член своими тугими стенками, что мне приходится в эти моменты вспоминать все известные молитвы, чтобы не слиться в нее сразу. Я выбросил окурок в окно, возвращаясь в действительность. Значит, со мной все в порядке. Я опять покопился на Эли.

«Просто она другая – скованная, закрытая», – подумал я, вспоминая, как вчера, пройдясь языком по ее плоскому животу, опустился ниже к ее губам и встретил там закрытую, скованную женщину. Пока я лизал ее, она не издала ни звука, и я на секунду опять усомнился в себе. Чтобы сбросить это наваждение, я вошел в нее и, наверное, слишком резко. Ее молчание или холодная на ощупь кожа разбудили во мне какое-то садистское желание сделать ей больно. Я входил в нее глубоко, резко, все ускоряя темп. Мой мозг при этом никак не хотел отключаться: я видел ее темную челку, прилипшую ко лбу, редкие волосы на моей подушке. Я хотел спросить, куда мне кончать, но не успел. От такого темпа или от разгоревшейся во мне первый раз в жизни какой-то почти животной ярости я кончил в нее и глухо застонал. По всей видимости, когда Эли пришла из душа, я уже спал, так как следующее, что я помню после своего стона, это лучи солн-

ца, льющиеся из окна, и худую, опять холодную руку Эли на моей.

И вот мы возем их в аэропорт, а я смотрю в окно, курю третью сигарету подряд и думаю о том, что я совсем не люблю секс без чувств или без страсти. Я попытался представить, каким должен быть секс, когда сильно любишь женщину, но у меня ничего не получилось.

«А ведь раньше получалось», – промелькнуло где-то на краю моего сознания. Но мой мозг был будто в тумане, и я мог только рассеяно наблюдать за быстро меняющимся пейзажем за окном, за желтыми, поросшими жесткой, высохшей травой холмами, которые местами сменялись черными вулканическими пиками. И только мой океан, виднеющийся вдалеке, был постоянен, такой же холодно-синий, с золотыми бликами. Я засмотрелся на него и вспомнил девушку в белом купальнике в ореоле золотых лучей и вдруг понял, что уже почти забыл ее образ, а ведь прошло только четыре дня... Сегодня я бы даже не узнал ее, наверное. А может, прав был Стеф, говоря, что она не для меня. Хотя какая теперь разница? Вздохнув, я почувствовав руку Эли на своей и окончательно осознал, что золотая богиня была лишь иллюзией... красивой сказкой, утопающей в лучах заходящего солнца.

Глава 4

На базилике Святого Стефана прозвонили колокола. Я со- считала удары. Уже десять утра. Неохотно открыв глаза, я посмотрела на огромный старый каштан за окном, который закрыл солнечный свет своими зелеными листьями и гроз- дьями белых цветов. Как хорошо, что солнце не светит в мою комнату: меньше всего мне сейчас хотелось чего-то солнеч- ного и радостного. Я отметила, что сегодня проснулась поз- же обычного.

«Замечательно, значит, день пройдет еще быстрее», – по- думала я, с ужасом отгоняя от себя мысли, что пора вставать, умываться и одеваться.

Я прислушалась, в квартире было тихо. Значит, все уже уехали. И это самое лучшее на сегодня, потому что целых две недели я буду сама.

«Но еще лучше было бы сейчас опять уснуть и проснуться только в обед, – подумала я, закрывая глаза. – Нет, Ника, так нельзя, вставай! Ты же собиралась с сегодняшнего дня начать новую жизнь!»

Мысленно я постаралась напомнить себе все те обещания, которые давала вчера, засыпая. Перестать заедать все конфе- тами, начать ходить в спортзал, позвонить кому-то из дру- зей...

– Хорошо, я попробую сегодня, – неохотно проговори-

ла я, обращаясь к себе, и медленно встала с кровати. Кутаясь в длинный папин махровый халат, я прошла в ванную, быстро отвернувшись от большого зеркала в коридоре. Единственное, о чем я сейчас мечтала, чтобы в доме не было зеркал.

Почистив зубы, я пошла на кухню, поставила чайник, открыла холодильник и застыла возле него. Рука потянулась к коробке конфет.

«Не хочу я никакой новой жизни! Точно не сегодня! Мне все равно, как я выгляжу, я хочу конфет и все».

Я быстро съела два марципана, и напряжение этого утра стало постепенно спадать. Я вздохнула свободнее, понимая, что новой жизни сегодня не будет, а значит, можно целый день есть, ничего не делать и жалеть себя.

Взяв коробку марципанами и чашку горячего чая, я залезла с ногами на подоконник и стала наблюдать за прохожими внизу. Святой Стефан пробил одиннадцать часов.

«Как быстро прошел час», – подумала я, мысленно радуясь, что день тоже пролетит незаметно.

Не отрывая взгляд от окна, я потянулась за следующей конфетой, но ничего не нащупала. Коробка оказалась пустой. Я опять съела целую коробку конфет с утра. Я вздохнула, понимая, что наверняка не смогу застегнуть новые джинсы, которые купила себе всего неделю назад, когда купленные месяц назад, стали малы.

«Ничего, – подумала я, – просто никуда не пойду сегодня.

Да мне и идти-то некуда».

Горько ухмыльнувшись, я посмотрела на банку янтарно-желтого абрикосового варенья на полке в кухне. Спрыгнув за ней с подоконника, я остановилась как вкопанная. С комода на меня смотрела моя фотография, сделанная четыре года назад во время отдыха на Тенерифе. Я быстро отвернулась. Как она туда попала, кто ее туда поставил?

Во мне начинала закипать злость. Я точно знаю, что еще вчера ее там не было. Этот подоконник – мое любимое место в квартире, я бы увидела ее отсюда. Я застыла на полпути к янтарной банке, которая еще минуту назад казалась пределом моих мечтаний. Я знала, что стоит мне повернуться, и я снова увижу эту фотографию, встречу глазами с другой Никой, с той, какой я была раньше, – уверенной в себе, счастливой, красивой, стройной. А я не хочу ее видеть. Не хочу. Зачем мне об этом напоминают? К горлу подступил ком. Злость сменилась страхом. Я смотрела на банку с вареньем и чувствовала, что она меня больше не защитит от всех моих проблем, что мне в ней уже не спрятаться от окружающего мира. Меня будто магнитом тянуло обернуться. Я медленно повернула голову, оставаясь в метре от фото, и подняла на него глаза.

Длинноволосая стройная девушка выходила из океана, кокетливо посылая воздушный поцелуй в объектив. В ее глазах было столько жизни, столько уверенности, что завтра будет лучше, чем сегодня, и что она и только она достойна всех

радостей жизни. Я подошла ближе. Ком в горле душил меня. Я вспомнила, когда было сделано это фото.

Дня за три до нашего отъезда, Кэти поймала момент, когда солнце было в самом зените, а вокруг ни души. Поэтому фотография получилась, будто с обложки глянцевого журнала. Я провела пальцем по тонкой талии, по идеальным стройным ногам. Потом вытерла рукавом капли, падающие из моих глаз на фото. Это мама ее сюда поставила, специально, наверное, утром перед отъездом, понимая, что я ее замечу. Слезы продолжали капать, заливая счастливую Нику на фото.

– Привет, я по тебе скучала, – прошептала я, глядя ее по лицу и сжимая зубы, чтобы как-то удержать волну рыдания, надвигающуюся как цунами.

Я прижала к груди свою фотографию, опустила на пол и наконец-то расплакалась. Первый раз за последние четыре месяца, первый раз с того момента, как я вернулась домой к родителям.

Мне двадцать четыре года, и вот уже четыре месяца, как я вернулась в Будапешт. Всякий раз, когда я думаю об этом, то вспоминаю, что обещала себе, что этого никогда не произойдет. Я была твердо убеждена, что никогда не буду опять жить в Будапеште, а тем более с родителями. Этими мыслями, я каждый день все сильнее и сильнее добиваю себя, как настоящая мазохистка.

Четыре последних месяца я живу с родителями, сплю

в своей детской, ем марципаны с утра до вечера, ношу свободные брюки и длинные юбки и жду, когда мне станет легче. Точнее, я жду, когда опять смогу что-то чувствовать. Когда я только приехала, мне казалось, что все во мне умерло, а вместо сердца в груди засела огромная ледяная глыба, которая с каждым днем только растет, охлаждая все внутри меня. Я не плакала, не переживала, мне просто было все равно. Я поздно вставала, рано ложилась, практически не общалась с родителями, смотрела телевизор, читала и много ела. Из дома я старалась не выходить, мне было бы стыдно встретить кого-то из моих одноклассников или старых друзей. Если бы они увидели меня такой толстой и некрасивой, я бы не смогла этого пережить.

Все началось четыре года назад с моего знакомства с Марио. Я вернулась в Мадрид после отдыха влюбленная и счастливая, считая дни нашей встречи. Я была уверена, что он позвонит не раньше, чем вернется в Мадрид, но все равно не выпускала телефон из рук ни на минуту. Марио позвонил прямо из аэропорта. Я слушала его голос в трубке, а сама при этом думала только об одном, слышно ли ему, как у меня бешено колотится сердце.

Мы поболтали. Он рассказал, что они почти все время скучали. Даже в Тако были только один раз. Да и то после мадридской «Паши» им там было скучно. «Паша» – самая лучшая дискотека в Мадриде. Туда он и пригласил меня в ближайшие выходные. Я еле дожидая до субботы, постоянно

представляя себе нашу встречу. Поцелует он меня сразу или нет, или, только взглянув друг на друга, мы сразу бросимся к нему домой, чтобы заняться сексом?.. Но все оказалось немного не так, как я успела нафантазировать. На дискотеку он пришел с друзьями. При встрече он, конечно, поцеловал меня, но потом все время разговаривал только с ними, иногда обнимая меня и подливая вина. Его друзья были намного старше, почти все уже были женаты. Я сразу поняла, что они заядлые тусовщики. Мне было так весело с ними, даже несмотря на то, что они все так много пили. В тот момент они мне казались самыми интересными ребятами, которых я когда-либо встречала. Судя по количеству знакомых, с которыми Марио успел пообщаться за вечер, он знал здесь всех. Главными темами их разговоров были лучшие вечеринки этого лета, новые девушки их общих друзей и дорогие машины.

Я была от всего этого в восторге, особенно от того, какими беззаботными они все выглядели. Его друзья смотрели на меня с нескрываемым интересом. И пусть Марио представлял меня всем просто как Нику, с которой он познакомился на Канарах, нас сразу пригласили вместе на столько вечеринок в этом месяце. Я была намного красивее и моложе жен всех его друзей, так что чувствовала себя королевой этого вечера. Но больше всего я по-прежнему хотела поехать к нему домой, потому что от каждого его прикосновения мое сердце буквально выпрыгивало из груди, и я еле сдерживалась, чтобы не касаться его постоянно.

Дождалась я этого уже под утро. Он звал с нами какого-то Андреа и его девушку, чтобы выпить дома, но те, наверное, увидев мой удивленный взгляд, деликатно отказались. Жил Марио действительно в районе Гойи, в огромной современной квартире на последнем этаже с видом на парк Ретиро.

Несмотря на то, что Марио всю ночь пил, у нас был такой бурный секс, что от перевозбуждения я не могла уснуть, даже когда он, обессиленный, отключился часов в девять утра. Убедившись, что он крепко спит, я тихонько встала и начала изучать его квартиру при дневном свете. Дойдя до первой же полки, я узнала, что у Марио есть совсем маленькая дочка. Ей было года два, не больше. На полках стояли ее фотографии: на многих она была с Марио, на некоторых, скорее всего, с его родителями, но я нигде не увидела ее маму. Еще внимательнее я осмотрела шкафчики в ванной и коридоре, заглянула в большой шкаф с одеждой, но, к моему счастью, никаких женских вещей в квартире не оказалось. Даже из детских я встретила только две куклы и кулек с кубиками. Меня поразила почти стерильная чистота, которая была в квартире. Сама-то я больше всего на свете не любила заниматься уборкой и другими домашними делами.

«Похоже, мне попалась моя полная противоположность, – улыбнулась я. – Хорошо, что я не позвала Марио к себе».

Первые полгода наших встреч практически ничем не отличались от первой ночи в Мадриде. Мы встречались три-четыре раза в неделю в каком-нибудь заведении в компании

его друзей, веселились до середины ночи и заканчивали все это у него дома безумным сексом до утра. После этого мы спали часов до двенадцати, а потом я бежала в университет, чтобы успеть хоть на какие-нибудь пары. Мы никогда не договаривались о следующей встрече, но я знала: пятницу и субботу мы точно всегда проводим вместе. Если Марио звонил среди недели и звал меня составить компанию за ужином в каком-нибудь модном ресторане, я без раздумий соглашалась и уезжала от него только на следующее утро.

Я никогда сама не звонила ему, не писала сообщений, но при этом все больше и больше мечтала получить его полностью. Мне было мало этих вечеров, я хотела жить с ним, просыпаясь каждое утро рядом. Мне очень хотелось, чтобы наши разговоры не ограничивались обсуждением последних новостей тусовки или общих друзей, но пока все наше общение ограничивалось только этим.

Я всячески его провоцировала: просила одноклассников присылать мне сообщения вечером, зная, что в это время буду у него. Потом, отходя в сторону с загадочной улыбкой, читала их. Что-то типа: «Не забудь, что завтра вместо истории будет два английских подряд», в его глазах должно было выглядеть как сообщение от тайного поклонника. Заметив, что Марио нравится, когда я одета сексуально и вызывающе, я в любую погоду носила чулки, короткие юбки и высокие каблуки. Уходя от него по утрам, демонстративно забирала свою зубную щетку, делая вид, что никаких планов на него

у меня нет.

Марио долго ничего не рассказывал о своей дочке и ее маме. Но в один из вечеров на дискотеке я сумела разговорить его подвыпившего друга. И Антонио рассказал, что Марио встречался с Кармен со школы, потом они поженились. Когда родилась Анна, Кармен потребовала, чтобы Марио поменял образ жизни. Но он совсем не был к этому готов. И чем больше она настаивала, тем реже он стал бывать дома. Расстались они за несколько месяцев до того, как он полетел на Канары. Тогда же Антонио сказал странную фразу:

– Если бы он остался жить с Кармен, его папаша обеспечивал бы его, как и раньше. Он бы мог до конца жизни ничего не делать.

– А кто его отец? – спросила я

– Не смей меня, Ника! Вы вместе уже полгода, а ты не знаешь, кто его отец? – Антонио засмеялся. – Шутишь, детка?

Я долго пыталась разобраться, что он имел в виду. Сразу было понятно, что Марио из очень обеспеченной семьи. Но при этом я никак не могла понять, чем он занимается. Он часто говорил, что ездил по делам в течение дня, но гораздо чаще я слышала, что он бывал у друзей. Тогда меня это не волновало. Марио всегда легко тратил деньги на любые наши развлечения, а больше мне от него ничего и не надо было. Кроме конечно его самого, целиком и полностью.

Поэтому когда наш первый совместный отдых оказался

под угрозой, я не могла найти себе места:

– Ты представляешь, он хочет взять Анну с нами на море. Я не могу ничего придумать, чтобы помешать ему это сделать. Ау, Кэти, ты меня слышишь? – Я ходила по квартире из угла в угол, а Кэти все молчала в трубку.

– Я слышу. Но не пойму, почему ты не хочешь с ней ехать? Что в этом страшного? – наконец заговорила она

– Ты что, шутишь? Мы почти год вместе и это наша первая поездка. Десять дней на Майорке. Без друзей, без всех этих постоянных пьянок и застолий. Ты не представляешь, чего мне стоило устроить все так, чтобы мы летели только вдвоем. Так теперь появилась Анна! Лучше бы это были опять его друзья, с ними я хоть знаю, что делать.

– Поверь, с трехлетним ребенком справиться намного легче. Послушай, ты любишь мужчину с ребенком, с маленьким ребенком. Так что будь готова делить его с ней ближайшие лет пятнадцать.

– А как же я? Это же мой отдых. А так будет ее...

– Я не знаю, что тебе сказать на это. Тогда уходи от него.

– Ладно, дорогая, мне пора бежать. Пока, – Я не могла больше продолжать этот разговор.

«Уходи от него, – повторила я про себя. – Легко сказать – уходи! А как мне уйти, если я и двух дней не могу физически прожить без него?»

Я перешла через Гран Виа в сторону Королевского дворца и вдруг застыла, глядя в витрину магазина «Манго». На ней

были плакаты с моделями в яркой летней одежде. Я узнала сиреневое платье, в котором я так нравилась фотографу. Эти вещи должна была рекламировать я, а не они.

Быстро отвернувшись, я не оглядываясь почти бегом пошла дальше. Меньше всего я хотела теперь думать о том, что было так важно для меня год назад. Все поменялось, и я ни о чем не жалею.

– Ни о чем не жалею, – повторила я вслух. – Но думать все равно не хочу.

Съемки для «Манго» в прошлом году совпали с началом моего бурного романа с Марио. И я просто от них отказалась. Снимать должны были двое выходных подряд на Фуэртевентуре. А это значило, что я не увижу его несколько недель, учитывая то, что поначалу мы виделись только в выходные. Я просто перестала брать трубку, когда мне звонили из агентства, так как никакого повода для отказа от работы придумать не смогла.

От предложений остальных агентств я тоже отказалась: свободного времени у меня оставалось все меньше, а когда оно появлялось, я старалась ходить в университет. Бессонные ночи с Марио, когда мы засыпали под утро и просыпались в обед, с каждым днем все меньше и меньше совпадали с графиком моих занятий. Какие-то дни я еще туда успевала, но часто наше пробуждение переходило в секс, и тогда я просто возвращалась от него прямо домой часов в семь вечера.

Даже с Лолой я стала общаться намного реже. Если раньше после пар мы с ней ходили обедать в наше любимое суши кафе, то теперь я шла в «Мариотт» обедать с женами друзей Марио. Лола же шла в мэрию, где она бесплатно помогала разбирать почту.

Мне было неинтересно слушать о том, что в Испании скоро наступит кризис в связи с переходом на евро и что поисками работы надо заниматься уже сейчас. Что работа в мэрии хоть и занимает все свободное время, зато обеспечит много нужных знакомств. А главное, даст возможность стажироваться там по-настоящему после окончания универа. Лоле же, наверное, было совсем неинтересно слушать, сколько ночей на этой неделе я провела с Марио, со сколькими новыми друзьями он меня познакомил и сколько раз мне удалось избежать общения с его дочкой. Не знаю почему, но Анна стала моей проблемой. Марио уже не раз заговаривал о том, что пора бы нам провести выходные втроем. Но всякий раз я ухитрялась уходить от этой темы.

Я ревновала его к ней и ничего не могла с собой поделать. Я знала, что родители Марио часто ее забирают, и он ездит к ним, чтобы провести с ней время.

Однажды Марио неожиданно позвонил в субботу днем и сказал, что сейчас мы поедem к его родителям. Я радовалась и тряслась от страха одновременно.

У родителей Марио был свой большой дом в закрытой резиденции на окраине Мадрида. С его отцом я нашла общий

язык почти сразу, а вот с матерью все оказалось сложнее. Пилар встретила меня поцелуями, проводила на террасу и предложила поболтать, «пока мальчики будут делать барбекю». Болтали мы в основном о Кармен и Анне. Точнее, говорила только Пилар. Она показала мне альбом с фотографиями Марио и Кармен. По ее словам, они были вместе лет с пяти, но по фото я поняла, что с пятнадцати так точно. Я в основном молчала, изредка поддакивая ее фразам о том, какой красивой невестой была Кармен, как восхитительно прошел их с Марио медовый месяц на Сицилии и какой Анна прелестный ребенок. Я улыбалась и считала минуты, когда можно будет отсюда убраться.

Теперь точно ни о какой совместной поездке на Майорку с Анной не могло быть и речи. Если раньше для меня это было что-то вроде истерии, то за время совместного просмотра фотографий я убедилась, что из нас поедет кто-то один. После такого семейного обеда я, наверное, навсегда возненавидела этого ребенка. Марио я не сказала ни слова, я вообще ему никогда не показывала своего неудовольствия. Для него я всегда была в хорошем настроении, улыбалась и хотела секса. На Майорку мы все-таки полетели в то лето вдвоем. Кармен просто непустила Анну с нами.

И после этой поездки сбылась моя мечта: я переехала к нему жить. У меня как раз подошел к концу контракт на квартиру, и хозяева решили повысить арендную плату всего на сто евро. Но Марио я тогда сказала, что они не хотят

продлять контракт, и я начинаю искать новое жилье. Он, полшутя, предложил пожить у него. Я так же, полшутя, согласилась и на следующий же день перевезла все свои вещи.

В быту с Марио оказалось гораздо сложнее поладить, чем я могла себе представить. Наш день часто заканчивался ссорами из-за того, что я не так помыла тарелки. При этом я абсолютно не могла понять, что я делаю не так с этими чертовыми тарелками. Я не видела этих микроскопических пятен на посуде или нескольких пылинок в дальнем углу. В итоге Марио бил посуду, хлопал дверью, я плакала. Мирились мы всегда в ту же ночь, стоило нам только оказаться в одной постели.

Марио вдруг стал придирается к моему внешнему виду. Однажды утром взвесившись и увидев, что набрала два килограмма, я зачем-то сказала ему об этом. Прошло не больше двух дней, и о моих проблемах с весом узнали все наши друзья. Все смеялись, показывая на мои худющие ноги и руки, но Марио продолжал твердить, что моделью мне уже не быть, и демонстративно прятал от меня десертное меню в ресторанах. Я убрала из своего рациона все, что имело больше ста калорий. Через месяц я весила гораздо меньше, чем всегда. И каково же было мое удивление, когда, прогуливаясь в одно из воскресений по парку Ретира, мы встретили Хуана, с которым Марио был тогда на Тенерифе и с которым давно не общался. Я тоже не видела его наверное с той поездки. С Хуаном была очень симпатичная девушка, с длин-

ными волосами и очень пышными формами. И вдруг я отметила, как Марио смотрит на Паулу. Хуан, скорее всего, тоже это заметил, потому что попрощались мы очень быстро и сдержанно. Но Марио до самого дома не мог успокоиться, постоянно вспоминая, какая у Паулы шикарная фигура.

Вначале я решила, что ослышалась или что он шутит. Мне было трудно поверить, что это говорит тот самый Марио, который издевался надо мной за каждый лишний сантиметр на моей талии, которую при этом легко обхватывал двумя ладонями. Тот самый Марио, который рассказывал всем о том, что я съела пирожное так, будто страдаю булимией и питаюсь только в «Макдоналдсе». От его слов у меня ком подступил к горлу. На этот раз я была не просто обижена – я разозлилась. Именно тогда у меня впервые мелькнула мысль, что если уж у кого-то из нас проблемы, то точно не у меня.

Но в нашей повседневной жизни все продолжалось как и раньше. В институте я стала бывать еще реже. Мы конечно уже не спали до обеда, но теперь я вдруг превратилась в домохозяйку. И утренние лекции пропускались из-за того, что я пыталась освоить новые рецепты блинчиков на завтрак для Марио, а дневные ради походов на рынок. Теперь то, что я больше всего не любила и чем никогда не занималась, вдруг стало моей жизнью. Я научилась разбираться в моющих средствах лучше, чем в последних тенденциях моды. И заметила, что я быстрее потрачу деньги на новый отбеливатель, только бы Марио был доволен своими рубашками,

а не на новую кофту для себя.

После начала совместной жизни, мы гораздо реже стали куда-то ходить. Вначале меня это устраивало, так как для моей ревности было все меньше поводов. Марио был почти все время со мной. Теперь мы занимались сексом еще чаще, чем раньше. Но в оставшееся время, между сексом и обсуждением домашнего хозяйства, я вдруг начала ощущать пустоту. Через год нашей семейной жизни, я как-то поймала себя на мысли, что за все это время не прочитала ни одной книги и даже не вспоминала об этом. И мне в первый раз стало страшно, что я тупею.

С того момента я начала мечтать о том, чтобы разлюбить Марио и вернуться к своей прежней жизни. Но в реальности это оказалось не так легко, точнее, практически невозможно. Улетая в Будапешт навестить родителей, уже на второй день я места себе не находила без него. Мое тело просто сходило с ума. Это было похоже на физическую ломку. Наверное, именно так чувствуют себя наркоманы.

Когда мы ругались, а чем дальше, тем все чаще это происходило, я уходила, хлопнув дверью, ночевала в отеле, но утром все равно возвращалась. Тогда мы занимались сумасшедшим сексом прямо в коридоре. А после него Марио угрожал, что в следующий раз уйдет сам, и это уже будет навсегда. Вначале от таких заявлений меня бросало в дрожь. Но со временем я поняла, что он никуда не уйдет. Еще я заметила, что чем хуже у Марио было с работой, тем больше он

привязывался ко мне, а с работой у него становилось с каждым днем все хуже.

У отца Марио, Хавьера, было несколько крупных заводов по производству плитки. Поэтому Марио категорически отказался поступать в университет, объясняя это тем, что все равно будет заниматься семейным бизнесом. Он конечно помогал отцу, но большую часть денег тот давал ему просто так. Однако после того как Марио разошелся с Кармен, все поменялось. Оказалось, что их отцы был компаньонами и все бизнес планы были продуманы за детей на много лет вперед. И теперь успех семейного бизнеса был под угрозой. Марио разрушил их планы.

Хавьер категорически отказался помогать Марио, объясняя это тем, что не может простить сына за то, что он бросил свою дочь. Но думаю, ему было плевать и на Анну, и на Кармен, все дело было в бизнесе. Марио был вынужден научиться зарабатывать самостоятельно. А привыкнув к большим деньгам, начинать зарабатывать с малого Марио, конечно, не хотел. О том, чтобы работать на кого-то, вообще не было и речи. Поэтому большую часть времени он проводил в кафе напротив дома, строя какие-то планы, или дома на диване, отдыхая от них. В общем, я получила того Марио, которого хотела, – домашнего и спокойного. Он практически не пил, стал меньше общаться с друзьями, уже никого не приглашал к нам после ставших все более редкими встреч в «Паше». Он даже стал волноваться, когда я задерживалась в универе,

ждал меня голодный, не зная, как разогреть себе обед.

Чем дальше, тем мне становилось сложнее. Я все еще не готова была уйти, но при этом как никогда остро понимала, что живу не своей жизнью. Мне было неинтересно смотреть телевизор или пить пиво в кафе под домом, обсуждая, кто что сказал из друзей. Но при этом я забыла, что же мне было интересно раньше, сейчас это и была моя жизнь и я не знала, к чему мне возвращаться. Моделью я больше быть не хотела, обучение в университете прошло как-то мимо меня. Я пыталась нащупать почву под ногами, но ее не было. Никакой опоры ни в прошлом, ни в будущем я не видела. Чувствовала, что, скажи я папе правду, что не так счастлива, как это показывала, прилетая домой, он бы помог, поддержал меня, может, что-то объяснил, но я не могла этого сделать. Я не могла представить, что кому-то жалуюсь на жизнь. Я же сама ее выбрала! Единственное, что я сделала, – позвонила Лоле и попыталась возобновить наше общение, хотя бы изредка. Она была искренне мне рада, ей, как она сказала, «не хватало моего холодного расчета». Я засмеялась, подумав, что мне бы он тоже сейчас не помешал. И, как ни странно, Лоле я смогла хотя бы немного рассказать о том, что со мной происходит.

Мы договорились встретиться в маленьком уютном ресторанчике на площади Второго Мая, прямо возле университета. После обеда со мной Лола шла в мэрию, где она уже так прижилась, что из девочки, разбирающей почту, стала по-

дающей надежды практиканткой, которую после получения диплома звали работать сразу в несколько отделов. Невозможно было не отметить, насколько Лола сейчас была ярче и живее меня. Я сразу оценила идеально подобранную узкую черную юбку ниже колена с ярко-красной, почти мужской рубашкой в сочетании с несколькими крупными кольцами с неровными черными камнями. А еще новую прическу, неброский, но идеальный для нее макияж. Прямо красавица! – рассматривала я подругу, пока она выбирала у барной стойки закуски-тапасы.

Я постаралась как можно приветливее улыбнуться, когда Лола повернулась, спрашивая, какие тапасы мне взять. Я покачала отрицательно головой и продолжила наблюдать. Она стала еще увереннее и при этом как-то мягче, ушла ее угловатость, мне кажется, даже фигура у нее стала более женственной. И главное, в отличие от меня, Лола явно чувствовала себя абсолютно комфортно, непринужденно и искренне готова была мне помочь. Я же, наоборот, выходя из дома, перевернула весь шкаф, но в итоге так и пришла неудовлетворенная своим выбором и собой в целом. Уверенности мне сейчас добавляли только дорогие вещи, купленные Марио, когда у нас еще были деньги. Если бы можно было, я бы надела все сразу, может, тогда хоть наполовину вернула бы прежнюю уверенность в себе. И вот теперь я сидела в жутко неудобных, врезающихся на талии кожаных брюках, зато самых дорогих из всех вещей, которые были у меня, в туфлях

на высоченных шпильках и с кучей украшений.

– Ты что, потом на пати идешь? – спросила меня Лола, как только мы расцеловались.

– Да, то есть нет, не сразу, – выдохнула я.

Лола показала на мои шпильки:

– Ты прямо как из сериала про отчаянных домохозяек, не знаю, как зовут героиню, она наполовину латиноамериканка. Его моя мама смотрит. Прости, я же забыла, что ты телевизор не смотришь. Но так похожа... – Лола еще раз на меня взглянула улыбаясь.

«Прекрасно, – подумала я. – Следующим этапом будет не Габриэль, а Линетт, это когда у нас закончатся деньги и я совсем закопаюсь в стирках и уборках». Я прекрасно знала, о ком она говорит, потому что уже давно смотрела телевизор, особенно сериалы, под которые намного веселее убирать.

Я собралась с духом и без нейтральных разговоров об общих знакомых и новостях универа выложила ей все, что меня беспокоило.

Лола слушала меня серьезно, не перебивая.

– Хорошо, я все понимаю, ты не можешь уйти от него, это страсть, с ней бороться очень тяжело, да и стоит ли. Но что тебе мешает начать опять писать статьи? Переключиться – это то, что тебе нужно. Ника, ты же прекрасно пишешь, такие вещи не исчезают просто так из головы из-за того, что ты вдруг начала смотреть сериалы или перестала читать. Зайди в деканат, предложи написать для них что угодно, просто

так, им всегда нужны студенты, которые хорошо пишут. Напиши сама какие-нибудь статьи, отошли их в разные журналы. Пойди на какие-нибудь курсы или просто начни опять ходить в университет почаще.

Ничего нового Лола мне не открыла. Она говорила не то, что я хотела слышать. Она не сказала ни слова о Марио, о наших отношениях.

– Я боюсь, – только и сказала я на все это, не глядя на нее.

– Чего ты боишься?

– Я боюсь, это будет конец того, что есть между нами, – выдохнула я. – Что он мне станет тогда совсем неинтересен.

– Но ты же сама мне только что сказала, что этого хочешь!

– Боюсь, я этого не переживу.

Лола молча взяла меня за руку и стала внимательно рассматривать три моих безумно дорогих кольца с разноцветными камнями, будто только о них мы все это время и говорили.

– Тогда просто жди. Наступит момент, когда все изменится... – Лола оторвалась от моей руки. Как ни странно, она не стала говорить, что не понимает меня. – Только сними шпильки и это все, – она показала на мои украшения, – особенно если вдруг все-таки решишь пойти в деканат.

Я не послушала Лолу. Больше того, я вернулась домой после нашей встречи еще в худшем настроении, злясь на нее и на себя за то, что ей позвонила. И до самого вечера мысленно выискивала недостатки в ее одежде, поведении – во всем,

так что часам к десяти она уже не казалась мне ни такой яркой, ни счастливой, ни уверенной, как днем. И я, конечно, не стала никуда писать, а просто продолжала еще год жить точно так же, с каждым днем падая все ниже в своих глазах от того образа жизни, который мы ведем.

Теперь уже я все чаще провоцировала ссоры. У меня появилась мысль, что, может быть, Марио сам меня бросит, но теперь он всячески сглаживал все острые углы. Я почувствовала переломный момент, после которого мы с ним как бы поменялись ролями. После какой-то очередной ссоры из-за ерунды, которую для него не сгладил даже бурный секс, он, как всегда, заявил, что завтра мы разъедемся, что ему все это надоело. Обычно после этой его фразы я плакала, просила не делать этого, но теперь я спокойно сказала, что это будет правильно и, отвернувшись, стала засыпать. Наверное, почувствовав, что я не шучу, не притворяюсь, Марио тут же меня нежно обнял и зашептал, как он меня любит. В тот момент я и поняла: что-то изменилось.

Когда Марио вдруг продал машину, стало ясно, что деньги у нас заканчиваются. Ну что ж, решила я, пусть они совсем закончатся – и тогда я уйду. На часть этих денег мы поехали вдвоем на море, в этот раз даже без каких-либо обсуждений. Мы выбрали Менорку. Стоял октябрь, сезон уже подходил к концу, на пляже, кроме нас, были одни пенсионеры. Мы много гуляли, мало ссорились, я даже почувствовала, что ко мне возвращаются силы и начала опять читать, чем вызыва-

ла постоянное раздражение у Марио, потому что он гордился тем, что страсть к чтению обошла его стороной. Но мне было все равно, точнее, начав чувствовать себя сильнее и увереннее, я стала легко отстаивать свои желания. Иногда я смотрела на Марио и чувствовала, что, наверное, уже могу жить без него, но через минуту мне самой становилось страшно от таких мыслей. Гуляя по пляжу, я решила, что все равно уйду от него до Нового года и постараюсь следующий год начать другим человеком. Но, конечно, жизнь внесла свои коррективы.

Где-то недели за три до Рождества я узнала о своей беременности. Узнала я это утром в туалете университета, сделав подряд два теста. Еще не до конца поняв, что произошло, я на автомате отправилась в деканат забирать билеты на международную конференцию молодых журналистов в Берлине. После нашей поездки на море я все-таки стала понемногу опять писать, потому что заметила, как это жутко раздражает Марио. Как-то, вернувшись из университета, я рассказала ему, что на нашем факультете проводят конкурс на лучший рассказ и победитель поедет в Берлин на международную конференцию. Марио тогда посмеялся, добавив, как хорошо, что я не пишу всерьез, потому что Берлин – это полный отстой, а немцы так вообще все грязные свиньи. Решение я приняла сразу же, даже не думая. На следующий день, сидя в университетской столовой, я написала рассказ об одном дне из жизни больницы. При этом, начиная, я еще поня-

тия не имела, о чем он будет. Но тут позвонил папа и поинтересовался, что я делаю. Я ему так и сказала, что пытаюсь придумать, о чем написать рассказ для конкурса.

– Как это о чем? Конечно, обо мне! – засмеялся он тогда. – Или ты уже забыла, какой я? Ты так давно не прилетала домой.

Я больше не думала ни секунды, мне даже не пришлось напрягаться: жизнь больницы, реанимации, разных отделений – все это я знала и любила с детства. Я вспомнила случай с мальчиком, который получил сильнейшие ожоги, спасая маленькую сестру из загоревшейся квартиры, и описала его, добавив реальных героев – анестезиологов, хирургов, медсестер, о которых столько всего слышала от папы. И чтобы не передумать, сразу же отнесла написанное в деканат.

На следующий день мне позвонили и сказали, что мою работу отобрали для конкурса, осталось дожидаться результата. Через две недели, когда я уже забыла об этом, меня попросили зайти к декану. Он сказал, что победитель конкурса уже определен, и это не я. Но у них появилось еще одно место, и оно может быть моим, если я напишу большую статью на какую-нибудь политическую тему типа актуальных событий в стране в связи с переходом на евро. Выйдя из деканата, я набрала номер Лолы и позвала ее обедать.

За обедом я рассказала ей обо всем и попросила мне помочь, так как более далекого от политической жизни Испании студента, чем я, наверное, не было во всем универ-

ситете. Зато Лола просто сияла, подробно рассказывая мне обо всем, добавляя остроумные комментарии и разные точки зрения.

Мою статью похвалили на лекции перед всем курсом. Поездка досталась мне. Но к тому моменту я уже была ей не рада – Марио был такой спокойный, заботливый и домашний последние недели, что я боялась даже думать, как буду ему обо всем рассказывать. Ни об одной из моих работ он и понятия не имел. А еще я до сих пор не была уверена, смогу ли без него прожить целых две недели.

– Зачем мне вообще все это нужно было – конкурс, статьи? Это все не для меня, я всегда хотела замуж, детей, дом, и больше мне ничего не нужно. – Мы опять сидели с Лолой в кафе.

– Ты сумасшедшая! – Она накинулась на меня. – Это все не для тебя? Тогда почему твоя статья победила, а? Ты не знаешь? По-твоему, из-за твоих красивых глаз? Ничего подобного, наш декан – гей. Ему плевать и на твои ноги, и на глаза. А все, что ты написала, всем действительно понравилось. Я тебе больше скажу: ты бы получила эту поездку сразу, твой рассказ про больницу и мальчика с ожогами тронул всех до слез, но парень, который победил, – племянник ректора. Так что второе место для тебя просто было компромиссом между ректором и деканом. И не вздумай не поехать! К тому же, Ника, отчаянные домохозяйки – это, конечно, весело, но ты не видела себя со стороны, когда мы

с тобой обсуждали здесь евро и парламент. Что бы ты ни говорила сейчас про стиральные порошки и детские пеленки, но тогда, слушая меня, ты была совсем другой. Если честно, я уверена, что именно это и есть твое!

И вот я стояла на пороге университета в полной растерянности – с билетами на конференцию и двумя положительными тестами на беременность в кармане сумки вперемешку с тремя упаковками активированного угля – остатками моей уверенности в том, что тошнота последних дней была связана с отравлением суши. Сумка со всем этим оттягивала мне плечо. Погода была со мной солидарна: я посмотрела на темные тучи, надеясь, что молнии сейчас испепелят все вокруг и все как-то само изменится, и медленно пошла, не думая, куда.

Я медленно шла под непрерывным холодным дождем по Гран Виа, не обращая внимания ни на шум машин, ни на попрошайек вокруг, стараясь максимально оттянуть возвращение домой. Возле площади Сибелис я остановилась: налево – домой или направо – в парк Ретиро? Я не знала, куда идти и тем более что делать дальше. В этот момент печаль, грусть, тоска – все вместе резко накатило на меня. Как же я не люблю это чувство, этот мой постоянный кошмар, после которого я всегда ощущаю такую неудовлетворенность, будто делаю что-то не то, совсем не то. Я прислонилась к холодной стене дома и сделала глубокий вдох. Все прошло, я подняла глаза на прохожих – и вдруг увидела их совсем по-дру-

гому. У меня как будто глаза открылись: я увидела, сколько людей идут в обнимку, держатся за руки, целуются и смеются. Я стояла, облокотившись на холодную стену, смотрела на прохожих, вытирала катящиеся градом слезы и думала, что же мне с этим всем делать. Неужели моя жизнь закончилась, неужели это все? Я не могла в это поверить. Если ребенок – значит, и Марио теперь навсегда. Что-то точно пошло не так в моей жизни. Я вспомнила Тенерифе, ту поездку, когда мы с ним познакомились, – да, что-то пошло не так еще тогда.

Я очнулась от своих мыслей, когда уже почти стемнело. Я уже обошла весь парк Ретиро несколько раз, и чем ближе подходила к дому, тем отчетливее понимала, что ребенка не хочу. Я ничего не ощущала, совсем ничего, как не чувствовала стыда от своих мыслей или угрызений совести. Я вспоминала все эти глупые фильмы, где героини чуть ли не с первого дня беременности чувствуют кого-то внутри и постоянно по-идиотски улыбаются, глядя себя по животу. Кроме раздражения, тошноты, головокружения и непонимания, как это могло произойти со мной, никакие другие чувства у меня не появились.

Я думала, что на фоне известия о беременности новость о том, что я что-то написала и теперь куда-то еду, для Марио будет неважна. Но оказалось совсем наоборот: о беременности он не сказал ничего, а вот о том, как я могла что-то написать, отправить, ждать результатов, с кем-то все это обсуж-

дать и ничего ему не говорить, выслушивала от него целый вечер. На самом деле я приняла решение, еще гуляя по парку, и теперь даже хотела, чтобы он вел себя как можно хуже, говорил как можно больше глупостей – лишь бы не чувствовать себя виноватой. Поэтому я слушала его молча. Он тоже вскоре замолчал и «обиделся» до самого моего отъезда, больше не сказав мне ни слова.

На конференции было много таких же, как я, молодых магистров и студентов, но все они мне казались совсем детьми. Я наблюдала, как им было весело, как они, счастливые и беззаботные, фотографировались на фоне высоченных елок с золотыми шарами и рождественских мишек на Курфюрстендамм, как кокетничали друг с другом, пили местное пиво и по ночам потом тихонько пробирались из одного номера в другой. Я из этой тусовки выпала, не понимая, где же моя беззаботность, куда делись эти мои годы, почему я ничего о них не помню. Я чувствовала себя минимум лет на десять старше всех. Тошнота с каждым днем все усиливалась, я могла переносить ее только с каким-то пирожным, которое заедала сыром, потом шоколадом, в итоге бежала искать туалет и все опять начиналось по новой. Ни на одной лекции асов международной журналистики я не присутствовала, так как физически не могла выдержать больше пятнадцати минут без позывов на рвоту. Я звонила Марио несколько раз, плакала в трубку и говорила, как мне плохо. Он меня успокаивал, повторяя, что больше не обижается за конференцию.

Что делать дальше, мы не обсуждали ни разу. Было обидно, что он не прыгал от счастья от моей беременности, и одновременно я была этому рада – все-таки это полностью развязывало мне руки. Я не могла себе представить, что мой сын – а я была уверена, что это сын, – будет похож на него.

Я села в поезд и из Берлина приехала в Будапешт. О том, чтобы делать аборт в Испании, не могло быть и речи. Тем более мне, иностранной студентке. Уже в больнице, вся в слезах и в страхе от того, что сейчас сделаю, я попросила врача дать мне десять минут и выбежала позвонить Марио.

– Послушай, может быть, не надо мне этого делать? Мне так страшно... – Я плакала в трубку. – Марио, ты меня слышишь, почему ты молчишь?

– Я не молчу, просто не могу сейчас разговаривать. Мы с мамой и Анной едем в детский сад, сегодня праздничный утренник, она повторяет нам стишок.

Я положила трубку, не дослушав его, сглотнула слезы, вдохнула противный сырой воздух, завязала потуже халат и вернулась в больницу.

После моего аборта Анна стала у нас бывать почти каждый день. Если раньше, когда Марио привозил дочь, она большую часть времени смотрела мультики или играла сама, то теперь он стал подчеркнуто внимательным отцом. Мне казалось, что так он наказывает меня за решение, в принятии которого не проявил никакого желания поучаствовать. Но, как ни странно, Анна теперь совсем перестала меня раздра-

жать, я даже заметила, что она в целом милая и спокойная девочка, которая к тому же очень ко мне тянулась.

Мой последний день в Мадриде и с Марио наступил абсолютно неожиданно. Я проснулась рано, когда Марио еще спал рядом, повернулась к нему, внимательно всмотрелась во взлохмаченные, отросшие волосы, потом начала разглядывать его тонкие, безвольные губы, впалые заросшие щеки, щуплые плечи. Я смотрела на него так, будто видела первый раз в жизни. Меня опять накрыла волна неудовлетворенности, какой-то жуткой щемящей тоски, но в этот раз я даже не пыталась что-то с этим чувством сделать, понимая, что оно мне сейчас необходимо. И я отчетливо поняла: если не уйду сейчас, то когда-нибудь его просто убью. Я пришла в ужас от своих мыслей и тихо выскользнула из спальни.

Через час он проснулся и попытался затащить меня в постель, но я знала: если мы сейчас займемся сексом, опять растеряю решимость, которая появилась во мне этим утром. Я, смеясь, увернулась и пошла готовить завтрак. У меня не было никакого плана, я только знала, что не хочу ничего с ним выяснять, и лучше всего для меня будет просто тихо исчезнуть отсюда. Но я не помнила, чтобы у Марио были какие-то дела на сегодня, поэтому надеяться на то, что он уйдет, было бесполезно. Но пока мы завтракали, позвонила Пилар и попросила сына съездить с ней сегодня на кладбище. Марио без разговоров согласился. Мне уже давно стало ясно, что мы живем на деньги его матери, что она втайне

от отца полностью нас содержит. Я ушла в ванную, крикнув, чтобы он сам закрыл двери. Я не могла поверить в удачу, этот неожиданный звонок еще больше убедил меня, что я все делаю правильно. Только услышав, как ключ повернулся в замке, я выскочила из ванной и побежала за чемоданом. Я бросала в него все свои вещи, которые попадались мне на глаза, мяла их, не обращая ни на что внимания, так что чемодан с трудом закрылся. Я оглянулась по сторонам, понимая, что это еще далеко не все. Могла бы уйти и без ничего, мне были абсолютно безразличны сейчас все эти вещи. Но я не хотела, чтобы в квартире осталось хоть что-то мое – из суеверия, чтобы никогда не возвращаться сюда. И чтобы не дать себе потом никакого шанса на слабину, не убедить себя, что жить не могу без оставшейся здесь юбки или сумки и не вернуться. Я вытащила из кладовки огромную клеенчатую сумку, с которой в Венгрии челноки ездят в Италию торговать и в которой моя мама передает для Марио домашнее варенье. В нее поместились все оставшиеся вещи. Хорошо, что я никогда не была сентиментальной и в квартире не было ни одной нашей общей фотографии, ни одного предмета быта, купленного нами вместе за все годы жизни здесь. Все, теперь, без моих вещей, квартира была такой же, как я ее увидела в первый раз. Я вспомнила нашу первую ночь и почувствовала, что сейчас расплачусь. «Ника, не вздумай, быстро уходи!» – мой внутренний голос не давал слабости взять верх. И я, не оглядываясь и ни о чем больше не думая,

вытолкнула неподъемные сумки на лестницу и захлопнула двери, оставив ключ внутри. Вот и все.

Магистратура закончилась две недели назад, работы у меня не было. Перспективы, наверное, были, но я их не видела в тот момент. За все утро я даже не подумала, куда поеду. Я боялась оставаться в городе, чтобы все не закончилось как обычно – нашим с Марио примирением и сумасшедшим сексом.

– На вокзал, – сказала я таксисту.

В кассе попросила билет на ближайший поезд. Удивленная кассирша уточнила у меня, в каком направлении. Я сказала, что все равно, главное – на тот, который отходит прямо сейчас. Кассирша молча протянула мне билет до Барселоны, поезд отправлялся через 20 минут. Я достала из сумки телефон и понимая, что выбора нет, не раздумывая, отключила его и выбросила в урну. Теперь точно все.

В Барселоне я прожила два месяца. До этого была там всего раз, еще на первом курсе с Лолой и ее братом. Кроме ужасной корриды, куда они меня затащили, и храма Святого Семейства не помнила ничего. Поэтому, выйдя на вокзале Сантс, я абсолютно растерялась. В первом же агентстве недвижимости мне предложили единственный свободный недорогой вариант – маленькую студию в Готическом квартале. Я только спросила, в центре ли это. Удивленная сотрудница ответила, что в самом сердце города. Потом уже я поняла, что Готический квартал с его серо-черными де-

прессивными зданиями, практически закрывающими небо над узкими улицами, полностью соответствовал моему настроению. Мыслями я все еще была в Мадриде.

На следующий день я купила себе новый телефон, позвонила маме, рассказала ей все и попросила никогда не говорить мне, звонил им Марио или нет.

После северного, несколько чопорного Мадрида Барселона показалась мне абсолютно сумасшедшим местом. Ко мне постоянно цеплялись на улицах, что-то предлагали купить, в чем-то поучаствовать, а мне больше всего хотелось, чтобы меня оставили в покое. Особенно плохо я реагировала на любые попытки познакомиться со мной. А сделать это пытались все – молодые шумные испанцы, серьезные испанцы постарше, арабы, русские туристы с золотыми цепями, латиноамериканцы с такими же цепями, только ненастоящими. И все они вызывали у меня лишь нарастающее раздражение и страх. Первые недели я еще пыталась ходить по музеям и соборам, но чем дальше, тем мне становилось все хуже от этих толп людей, и я стала ограничиваться своим Готическим кварталом. Первую половину дня его заполняли туристы с картами в руках, а к вечеру на улицы выходили кубинские и доминиканские проститутки вперемешку с цыганами, румынами и венграми.

Венгерскую речь я слышала почти из каждой подворотни. Теперь я понимала, почему квартира была такой дешевой: никто из туристов тут жить просто не стал бы. Но для меня,

так долго считавшей, что все изменится, как только из моей жизни исчезнет Марио, а вместо этого получившей тоску, чувство вины, сожаления о глупо прожитых последних четырех годах одновременно с грустью, что они никогда не повторятся, – это грязное место было самым лучшим вариантом.

Последнюю неделю в Барселоне я уже практически не выходила из дома. Живя с Марио, я была уверена, что проблема в нем, но, похоже, ошиблась. Ничего не изменилось. И больше всего я боялась спрашивать у себя: а что же дальше? Как я теперь буду жить? Мой день проходил с единственным желанием – чтобы он скорее закончился. Хотелось выглядеть как можно незаметнее, но среди моих ярких и броских вещей было сложно найти что-то незаметное. Поэтому я спустилась на первый этаж своего дома, в какую-то лавку к торговцам-венграм, выбрала, даже не примерив, длинную вязаную кофту, свободные джинсы и так ходила все время, даже не распаковав до конца свои сумки. Я поздно вставала, шла в маркет, покупала самую вредную еду, на которую раньше даже смотреть бы не стала, съедала ее, не чувствуя вкуса, включала телевизор и смотрела сериалы. Единственным человеком, с которым я тогда общалась, была моя мама, мы, к моему удивлению, даже стали с ней ближе. Как и обещала, она ни разу не упомянула о Марио, я тоже.

Приступы тоски стали повторяться все чаще, мне в такие моменты казалось, что я что-то потеряла. Через месяц по-

звонил папа и сказал, что хотел поменять обои в моей комнате, а потом подумал, может, оставить все как было? Или у меня есть пожелания? Я ответила, глядя на мрачное февральское барселонское небо, что хотела бы что-нибудь серо-черное. Папа, не задумываясь ни на секунду, сказал, что они меня уже ждут.

Вот так я вернулась в Будапешт.

Я еще раз внимательно всмотрелась в себя на фотографии, встала с пола, подошла к холодильнику, достала кулек с оставшимися конфетами и выбросила его в мусорное ведро. Потом, вспомнив про коробку своего любимого фисташкового мороженого в морозилке, не раздумывая, отправила ее туда же. Не выпуская фотографию из рук, я подошла к зеркалу. Вначале внимательно всмотрелась в свое лицо, встретила с потухшим взглядом, потом, набрав побольше воздуха, сняла халат и стала трезво себя рассматривать. Через секунду хотела отвернуться, но остановила себя. Смотрела в зеркало и улыбалась сквозь катящиеся слезы: наконец-то я нашла в себе силы прекратить жалеть себя, сидеть дома и без перерыва есть конфеты. Я снова надела халат, посмотрела по сторонам и поняла, что со всем этим надо что-то делать.

К концу лета я практически вернулась в свою нормальную форму, перестала все время сидеть дома, стала выходить с Кэти вначале просто погулять по проспекту Андраши, а уже через пару недель она смогла затащить меня на дискотеку, где мы протанцевали до утра, как много лет назад. Мои

родители были безумно рады, что я возвращаюсь к жизни. Я опять приходила по вечерам к папе, шутила с ним, обнимала, этому я была особенно рада, потому что после ухода от Марио я не могла общаться ни с кем из мужчин, даже с ним. Я так была благодарна папе за понимание! Ведь только сейчас поняла, как, наверное, ему было сложно все эти месяцы видеть, что я его избегаю, и ничего с этим не делать.

Но было кое-что, что меня пугало. Я так хотела быть такой, как до встречи с Марио, – самоуверенной, холодной, не признающей никаких чувств, использующей всех вокруг в своих целях, – но у меня это почему-то не получалось. Пока однажды вечером мы с подружками на набережной Дуная не наткнулись на жалобно мяукающего рыжего котенка, у которого одна лапка застряла в решетке сточной канавы. Я опустилась на колени рядом с ним и аккуратно высвободила лапку. Котенок не двигался с места, только жалобно мяукал. Сняв с себя пиджак, я закутала его и понесла домой. На следующий день Кэти заявила, что лет пять назад я разве что вызвала бы спасателей, и то, если бы это было бесплатно с мобильного.

– Ты хочешь сказать, что я была такой эгоисткой?

– Ты и сейчас, конечно, далеко не ангел, – Кэти засмеялась. – Но теперь ты знаешь, что такое чувства, что такое страдание, а это просто так не проходит.

То, что я стала опять выходить с друзьями и веселиться, не значило, что я совсем не думала о Марио. Я думала о нем

каждый день, не было такой ночи, чтобы он мне не снился. Каждого парня, с которым знакомилась, я, конечно, сравнивала с Марио, и каждый раз сравнение все равно было в пользу последнего. В какой-то момент я даже смирилась с тем, что так будет всегда и я никогда не смогу ни с кем познакомиться, чтобы в моей голове не было «третьего лишнего». Но несмотря на все эти мысли, я ни разу не пожалела о том, что сделала. Просто стала ждать, чтобы все воспоминания стерлись из моей памяти, пытаюсь максимально заполнить дни чем-то новым. А еще поняла, что, оказывается, вся эта любовь – это не только счастье, о котором все говорят, а еще и боль, невыносимая грусть, и не знала, хочу ли я снова этого или нет. Все-таки я склонялась к выводу, что без нее в жизни как-то легче.

...Где-то в параллельной вселенной на яхте, пришвартованной на Дунае, Будапешт, Венгрия

Два ангела в обнимку лежали на палубе под полосатым тентом и наблюдали за экраном перед собой.

– Она склоняется к выводу, что без любви легче... С ума сойти! Может, ну их? Я имею в виду эти наши воплощения, пусть все уже быстрее закончится? Ведь на новых у нас опять будет возможность влиять, подсказывать, а? Ну придется нам с тобой немного пожить отдельно, но зато будем с нашими подопечными без перерыва. Мне кажется, мы теряем время.

– Не знаю, не знаю... Намажь меня кремом, дорогой, я сгорю.

– Не смей меня... Ладно-ладно, поворачивайся, намажу. Если ты сейчас еще пойдешь по магазинам, я и вправду поверю, что Ника – это твое последнее воплощение.

– Вот видишь, а ты говоришь: «Давай их бросим». А вдруг это они? Вдруг именно они смогут все сделать и даже без нашей помощи! Ты представь только, – ангел-женщина вскочила с гамака и закружила по палубе, – что о нас будут говорить все, как нам будут завидовать – мы справились всего с одной детской подсказкой!

– Ты опять играешь на моем тщеславии!

– Я просто хочу сказать, что не все так плохо. Да, девочка особенно правильных выводов не сделала, все чувства в себе эти годы душила, как могла, все ей хотелось стать сильной...

– Слушай, может, ты поэтому конфеты терпеть не можешь?

– Может, и поэтому. Только знаешь... С одной стороны, она, конечно, эгоистка, ни о ком вообще не думает, жаль ей только себя и страсть она за любовь приняла. Но если посмотреть на все это по-другому... А если она чувствует, что это все не ее? Понимаешь, просто у нее нет опыта. Я имею в виду, она же не помнит все свои предыдущие жизни и все свои опыты. Что, если она чувствует, что ей куда-то надо, но просто не может все это выразить, и поэтому поступает по-своему?

– Любовь моя, все, хватит этой эзотерической чуши. Я понял, что ты уже срослась с Никой и критика в ее адрес уже не допустима. Но я все-таки хотел спросить тебя...

– О чем?

– Марципанчик хочешь? – Ангел-мужчина попытался остаться серьезным, открывая перед своей подругой коробку с марципановыми конфетами.

– Фу, убери это! Ты же знаешь: ни шоколад, ни марципаны – никогда. Кстати, вот еще одно доказательство, что мы не должны опускать руки: марципаны – это точно у меня от Ники. Я их точно вместе с ней переела, – ангел-женщина опустила пониже широкие поля ярко-бирюзовой шляпы и откинула тент. – Давай позагораем немного?

– Ты просто как ребенок! Марципаны – от Ники. Вон Микеле больше всего любит писать, и что? Я что, пишу? Я не просто не пишу, а больше всего не люблю писать. Читать – да, ты же знаешь.

– Да, согласна – ты не такой умный. Шучу, родной, шучу. Просто, может, Микеле и не будет писать потом, мы же пока не знаем. А вот Ника...

– Кстати, пока не забыл. Ты помнишь, что мы видели в кинотеатре, из архива о ее прошлой жизни, предпоследней?

– Ты об Инесс?

– Конечно, и о том, как она променяла все на карьеру, как она убила в себе все чувства ради своей работы, и ребенка она, кстати, тоже, как и Ника...

– Прекрати, мы-то с тобой знаем, что у нее бы был выкидыш через неделю.

– Пусть бы был. Но это было бы не ее решение.

– Ты прав. Если бы мы могли, то, конечно, сделали бы все, чтобы она подождала еще неделю... А так что есть, то есть... Но заметь, она не побоялась взять на себя ответственность за решение, только на себя одну. Но насчет Инесс ты прав. Правда, мне немного жаль, что я не смогла с ней пожить в Нью-Йорке. Манхэттен, небоскребы, воротилы мирового бизнеса... А шопинг, а разные пати... Что ты так на меня смотришь? Ты бы в это время медленно сходил с ума в России вместе с тихим алкоголиком Олегом. Ну все, прекрати так смотреть на меня, конечно, я шучу. Я бы ни за что не променяла то время, что мы бездельничали с тобой по миру, в нашем вынужденном отпуске, на жизнь на Манхэттене. Ладно, вернемся к Нике, не вздыхай. Так вот, если бы она сейчас работала, думаю, она бы через все это проходила заново.

– Да, она могла бы увлечься всем этим – карьера, слава, деньги... Посмотрим позже, пока у нее даже мыслей о работе нет. Совсем как у меня сегодня. Иди пока ко мне, любовь моя. Непыльная у нас с тобой работа, скажу я тебе! А если ты мне принесешь бокальчик холодного вина, то я буду самым счастливым ангелом во вселенной и даже сделаю вид, что ничего не слышал о Манхэттене. И вечером приглашаю тебя на романтическую прогулку по мостам Будапешта... Нач-

нем с Рыбацкого бастиона, затем Цепной мост, мост Эржебет... Нас ждет прекрасная прогулка. Я буду твоим гидом – недаром же вторую неделю читаю трактат по венгерской истории... Неплохо написано, скажу тебе. Ну, – ангел повертел в руках книгу, – предлагать тебе не буду, а то ты ее опять вместо подставки для ароматических свечек используешь... Тихо-тихо – не шипи на меня, не маши так крыльями...

В середине августа я неожиданно нашла работу. Я забежала к маминой подруге за домашним медом для Алекса, и уже прощаясь со мной в дверях, Урсула спросила, не забыла ли я еще испанский. Я засмеялась: конечно нет.

– Вот и прекрасно. А ты можешь завтра вечером немного побыть переводчиком для нас?

– Да, конечно, с удовольствием, – я даже не спросила, что именно нужно будет переводить и для кого. Мне было все равно, я скучала по испанскому. Отвращение ко всему, что связано с Испанией, у меня уже прошло, и я опять начала читать на испанском и большую часть времени думать на нем.

Переводить нужно было на встрече директора телеканала, где работала Урсула, с продюсером развлекательной программы из Испании, которую они собирались купить. Встреча была неформальной, поэтому проходила в знаменитом ресторане «Гундель». Каждый раз, когда мне приходилось в нем бывать, я тихонько посмеивалась над старинным интерьером и думала: неужели в Будапеште нет другого ресто-

рана, куда можно повести иностранцев или важных гостей, почему всегда все приходят только сюда? Испанец Карлос оказался из Севильи, говорил нараспев, с южным акцентом, глотая буквы, и постоянно шутил на темы, абсолютно непонятные венграм. Например, о королевской семье или местной кухне. Я понимала все, что он имеет в виду, но знала, что сказать Карлосу, что здесь никто не имеет понятия о тонкостях личной жизни Хуан-Карлоса и доньи Софии, было бы неправильно. Поэтому я просто смеялась, поясняя, что Карлос шутит, даже не пытаясь все это переводить. Учитывая те деньги, которые обещала принести его программа, Урсула и директор канала Йозеф все поняли и каждый раз тоже заливались смехом. Я весело провела с ними время, и поэтому, когда на следующий день Урсула позвонила мне и попросила заехать к ним на телевидение, была очень рада, уверенная, что меня ждет продолжение вчерашнего вечера. Подъехав к огромному зданию телецентра рано утром, я попала в самую гущу бегущих на работу людей. В какой-то момент я почувствовала, что, наверное, в работе здесь есть свой кайф, хотя к телевидению была всегда равнодушна, несмотря на журналистское образование. Я всегда себя больше видела пишущей, а не, к примеру, рассказывающей что-то по телевизору.

Урсула расцеловала меня, взяла под руку и, ничего не говоря, отвела прямо к Йозефу в кабинет. Вчерашнего Карлоса там не было. Я улыбнулась Йозефу, рыжеволосому коре-

настому мужчине возраста моего отца, с веснушками на белой коже, и пожала протянутую мне руку. Я еще не успела присесть, как он предложил мне работу. Это было то, чего я меньше всего ожидала.

Понимая, что в моем возрасте давно пора подумать о работе, я, подобно Скарлетт О'Харе, решила подумать об этом завтра, то есть фактически отложить решение проблемы до осени. Но если работа сама идет в руки, я решила послушать подробности. Йозеф сказал:

– У меня одна из журналисток выходит замуж и с октября переезжает в Италию. Так что освобождается ее место. Вчерашняя беседа убедила меня, что ты прекрасно держишься с незнакомыми людьми, умеешь, где нужно, сгладить острые углы, к месту посмеяться, не болтаешь лишнего. Думаю, мы найдем общий язык. Я так понимаю, ты не замужем? – он многозначительно посмотрел на мою руку без кольца.

– Нет, – покачала я головой.

– Вот и прекрасно, значит, сможешь ездить в командировки. Ты говоришь еще на каких-то языках, кроме испанского?

– На русском и английском, – я скромно улыбнулась.

Йозеф мне все больше и больше нравился. От него веяло стабильностью и уверенностью в будущем.

– Ты что, вундеркинд? – присвистнул он, улыбаясь. – Звучит многообещающе. Если я увижу, что ты хорошо работаешь... А если еще и писать сможешь более или менее, тебя ждет прекрасное будущее.

Я не стала ничего отвечать, зная, что с «писать более или менее» точно проблем не будет. Из здания телецентра я вышла со списком необходимых документов для приема на работу и пропуском журналиста отдела новостей.

До выхода на работу оставалось еще больше месяца. Я решила заняться поисками квартиры, теперь можно смело съезжать от родителей. А если у меня останутся деньги – я посмотрела на белые пенистые волны, поднимающиеся за проплывающим по Дунаю прогулочным катером, и подумала: «Хочу слетать на Тенерифе».

В последнее время у меня появилась какая-то навязчивая идея, что мне нужно туда отправиться. Мне казалось: если я спокойно смогу побыть там, где познакомилась с Марио, значит, я закрыла эту главу своей жизни навсегда и могу двигаться дальше.

Сегодня пятнадцатое сентября. Я только что попрощалась с папой в аэропорту Листа и теперь сидела в кафе в зоне отлета, наблюдая за взлетающими самолетами. Утром, собирая вещи, я поймала себя на мысли, что счастлива. Не так, конечно, как когда-то с Марио. Но сейчас я другая, и мне кажется, что Мадрид и Барселона окончательно остались в прошлом. Сегодня меня делает счастливой то, что у меня есть работа. Именно работа, о которой я никогда не думала и не мечтала, вдруг стала для меня самым главным. Я уже жду не дождусь того дня, когда вернусь с Тенерифе и приду на телецентр. Пока я оформляла документы, я познакомилась с но-

выми коллегами. Не могу сказать, что мне были очень рады. Но, похоже, что Бьянку, которая выходила замуж и уезжала в Италию, они тоже не очень любили. А непосредственная начальница так и вовсе встретила меня словами, что на этом месте никто долго не задерживается.

– Смотрите-ка, третья молодая незамужняя красавица, – подмигнула она коллегам и все, как по команде, рассмеялись. – Йозеф, наверное, процент от брачных агентств имеет. – Сотрудники рассмеялись еще громче. – Просто Бьянка и Амалия, которая работала тут до нее, упорхнули в Италию, удачно выйдя замуж. Так что, детка, признайся сразу, ты тоже равнодушна к любителям дольче виты?

– Пока я больше равнодушна к работе, – лучезарно улыбнулась ей я.

– Ответ конечно правильный, деточка, но надолго ли? – Она оценивающе посмотрела на меня и добавила: – Ну а пока это конечно прекрасно.

Я отпила глоток вкусного, как всегда в аэропортах, капучино и, вспомнив ее слова, улыбнулась: теперь это мое место и никуда я оттуда не собираюсь, замуж так точно.

Я покрутила в руках объемный конверт турфирмы и достала из него свои документы. Я безоговорочно решила ехать одна, хотя даже Кэти не пришлось бы долго уговаривать. Она сейчас ни с кем не встречалась, работала дизайнером интерьеров и спокойно могла дней на десять улететь куда угодно. Но мне нужно было поехать туда самой.

Я выбрала тот же отель, где мы были пять лет назад. Открыв туристический ваучер, я прочитала: «Медитерранеан палас». На фотографии было такое знакомое полукруглое синее здание, у меня внутри все сжалось.

В аэропорту меня должен встретить гид с табличкой «Ислас Канариас». Я перешла к памятке для туриста – гида зовут Микеле. Я стала читать дальше об экскурсиях, прекрасно понимая, что никуда не поеду. Я знала, что пойду на наш пляж, на дискотеку... в Тако, если тот еще существует, и в тот ресторан на углу... От моих мыслей меня оторвал телефонный звонок. Звонила девочка из турагентства. Извинившись за беспокойство и радуясь, что застала меня еще в аэропорту, она сообщила, что у испанцев что-то случилось, и попросила записать новую информацию.

Глава 5

Через полгода мне будет тридцать три. Я уже давно планирую сделать себе татуировку к этому дню. Но пока меня хватило только проколоть ухо. Мой друг Дани, перуанец, пригласил меня на днях книгу о шаманских символах. И вот уже третий день я не могу от нее оторваться: нашел там столько оригинальных рисунков для своего тату. Наверное, сделаю символ бога солнца. Хотя мне понравился и символ плодородия у древних инков, но я немного стесняюсь его делать: уж очень он похож на настоящий член. Все-таки остановлюсь на Инти. Я и место выбрал: на предплечье, покрупнее, чтобы она всегда была видна. Наверное, даже не стану ждать дня рождения. Заеду к нему завтра, пусть пробный рисунок делает.

Мысли о дне рождения напомнили мне о том, что я уже три с половиной года не был дома. Вот так приехал на остров пожить пару месяцев и немного задержался. Да, со свадьбы Стефа я не летал в Италию. Хотя Эли сколько раз просила меня прилететь, чтобы познакомиться с ее родителями. Наверное, именно поэтому я и не летал больше. Хотя теперь, когда мне больше ничего не мешает, когда мы больше не вместе... нужно будет все-таки съездить домой. Вот мама обрадуется.

Покидая курортную зону, я выехал на шоссе и повернул

на север – встречать туристов в аэропорту. Сегодня у меня было два трансфера: один сейчас рано утром, самолет из Рима и второй поздно вечером – из Будапешта. Вспомнив об Эли, я опять почувствовал знакомый неприятный привкус во рту. Почему мое тело так реагирует на каждое воспоминание о ней?

«Мое тело намного умнее меня, тупицы», – вздохнул я.

Я посмотрел на себя в зеркало заднего вида, последние недели я собой доволен. Точнее не так, мне хорошо, я чувствую себя свободным. Или даже не так... Я никак не мог подобрать слова, чтобы описать свое приподнятое настроение. Я снова чувствую, что живу, будто какая-то пелена сошла. Неужели это от того, что мы с Эли расстались?

Глянув опять в зеркало, я подумал: «Почему я так рано начал сесть? Может, Лала права и это просто гены? Или я слишком много думаю?»

В этот момент я представил, как Стеф стоит рядом и кривляется: «Слишком много думаешь? Это ты о себе, дядя?»

Я засмеялся и сказал вслух:

– Стеф, придурок, мне тебя не хватает.

Вот уж кто стал жертвой брака. Разве могли мы подумать, что Стеф станет таким семьянином? За все это время он ни разу ко мне не приехал. Хотя на свадьбе кричал, что они с Лореной договорились летом встретиться опять и все равно не прилетел. А вот Лорена прилетела. Я поморщился от этого воспоминания. Хорошо, что Стеф после свадьбы о ней

никогда не спрашивал. Я даже не знаю, смог бы я ему со-
врать или нет. Я вспомнил тот вечер, когда мы с ней случай-
но встретились в Тако. Я заехал после того, как отвез тури-
стов в аэропорт, минут на двадцать: выпить пива и побол-
тать с барменом Али. И первый человек, которого я увидел
за барной стойкой, была она. Опять в белом полупрозрачном
платье, опять без лифчика, с теми же торчащими сиськами,
как из порножурнала, черт бы их побрал. Утром я конечно
прекрасно понял, почему Стеф тогда умолял меня дать ему
провести с ней еще хоть пару часов. Как хорошо, что я боль-
ше никогда ее не видел, я бы опять не удержался, и мне опять
было бы стыдно.

Зачем я тогда сказал ей, что Стеф женился? Я с укориз-
ной посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Три года про-
шло, а мне до сих пор не по себе. Лорена тогда сразу спро-
сила меня про Стефа, я просто ответил, что он не прилетал.
Она равнодушно пожала плечами и пошла танцевать. Я про-
сидел там часа два, наблюдая за ней. Но она так и не подо-
шла больше. А потом я сам нашел ее у другого бара и сказал,
якобы между прочим, что Стеф женился. Зная ее характер,
я был уверен, что это даст результат. Черт, я вроде бы нико-
гда не считал себя каким-то уродом. Зачем тогда мне понадо-
билось вести себя, как придурку, чтобы затащить Лорену
в койку?

Я конечно не ошибся, Лорена сразу мной заинтересова-
лась и поехала ко мне, как только я ей намекнул, и траха-

лась со мной, как сумасшедшая, всю ночь, так, будто Стеф наблюдал за всем этим.

«Зачем я вообще об этом думаю?» – я тряхнул головой, пытаясь переключить внимание на дорогу, которая в этом месте сужалась, переходя в серпантин.

Я сбавил скорость, хотя знаю тут каждый поворот. «Со- всем как дома», – вздохнул я, вспомнив Италию. Я совсем прижился здесь, особенно сейчас, когда туристов с каждым годом становится все больше. Я продолжаю учить детей серфингу, это мое самое любимое занятие. Я обожаю детей, это я уже давно понял. Когда они попадают ко мне на занятие, я теряюсь во времени, и вместо часа мы часто занимаемся по три. Я никогда не беру с родителей за это больше денег, максимум можем потом пойти поесть где-нибудь все вместе. А когда детки итальянцы, я просто счастлив.

Еще я вожу туристов на экскурсии по островам, и тут я в числе самых востребованных гидов. Нас тут столько! Мы хоть и конкуренты все между собой, но дружим. Мне всегда отправляют всех итальянцев. Я тоже не жадничаю, французов и немцев никогда не беру, отдаю другим. Только вот с англичанами мы работаем все, а как иначе, если большая половина острова – они. И если бы их здесь столько не было, я бы, может, остался жить на Тенерифе, даже и маму уговорил бы сюда переехать. Но из-за них не хочу. Как только я узнал, что Элина мать англичанка, то сразу понял, откуда ее зажатость и чопорность. Хотя, если понаблюдать за толпами

пьяной британской молодежи, Европа отдыхает. Куда деваются их пуританские нравы, когда они отрываются на дискотеке? Ни с одной из них не спал и не буду никогда.

У меня перед глазами возникла семья итальянцев с малышом, которых я утром отвозил в аэропорт. Я не мог оторвать глаз от Мины всю дорогу: длинные темные волосы, густые ресницы, высокие скулы, а голос... Лоренцо тоже приятный парень, но она... Я даже стеснялся к ней обращаться, такая она красавица.

«Я хочу такую жену, – подумал я и тут же возразил себе: – И что потом? Стать как Стеф? Уйти с головой в бизнес и забыть обо всех радостях жизни? Хотя, если ради такой, как Мина, все возможно».

Мы теперь со Стефом по телефону говорим только о недвижимости, экспорте сырья или импорте пшеницы. Лишь иногда, вспоминая былые годы. Куда делся беззаботный веселый парень? Я бы сейчас все терпел от этого клоуна, все его дурачества, если бы он опять стал таким, как раньше, и вообще если бы он просто приехал. Мне вдруг стало грустно и одиноко. Может, это я отстал в развитии? Не строю никакой бизнес, до сих пор мечтаю вернуться домой в Тоскану, жить в горах и написать книгу о ее истории. А ведь раньше я думал, что в этом возрасте я буду уже известным автором, и меня все будут узнавать... Но я все еще тут: по утрам я озабочен тем, где буду обедать, а после обеда – где проведу вечер, с Лалой или в Тако. При этом я люблю все, чем я тут

занимаюсь, но не думаю же только о работе и о деньгах с утра до вечера. Мне и так хватало моих подработок, но год назад меня уговорили устроиться официально в «Ислас Канариас» гидом. И то, я согласился только потому, что хорошо знаю Рауля, хозяина фирмы. Я ему сразу сказал, что ни в каком офисе я не высижу и смогу работать только без всякого графика.

Но тут все сложилось отлично. Мне нужно только встречать туристов в аэропорту и отвозить в отель. А с Рауля за это машина, бензин и небольшая, но стабильная зарплата. Еще Рауль был не против, когда я предлагал клиентам покататься со мной на серфе. И все это только ради того, чтобы я рассказывал приезжим о том, как здесь хорошо жить, какая тут дешевая пока еще недвижимость. А если кто-то заинтересуется, отправлять всех сразу к нему. Конечно, Рауль пообещал мне процент от продаж. Благодаря этому я уже немного накопил, думаю, дальше еще лучше пойдет.

Вообще-то он мне предлагал бросить все и заниматься только недвижимостью с ним. Но не уверен пока, все-таки я привык к полной свободе. Вот Эли была бы рада, если бы я пошел к нему работать, надел белую рубашку и сидел в офисе. В ее понимании – это и есть успех в жизни. Она все время намекала, так, как только она одна умеет – без лишних слов, но с таким укором во взгляде, что пора возвращаться в Италию, что я уже не мальчик, а у меня даже пиджака нет, зато есть загар, как у портового грузчика, и волосы, посто-

янно пахнувшие водорослями, которые давно можно было бы обрезать. Я пытался себя переубедить, что она не это имела в виду, что я просто себя накручиваю. Но все равно за каждым ее многозначительным взглядом мне слышалось именно это. Пока я не хочу ничего менять. Конечно, когда-нибудь я напишу бестселлер, и тогда все изменится, но до этого еще далеко. А вернуться сейчас Италию и стать скучным работягой, ходить каждый день в офис или даже стать богатым, но задерганным ипохондриком, как Стеф, я точно не хочу. Мне кажется, Стеф стал таким еще из-за детей. С самого дня свадьбы Ирэна хочет детей и папа Ирэны хочет, а значит, и Стеф очень хочет, а у них ничего не получается. Стеф мало говорит об этом, а вот Ирэна с Эли обсуждают постоянно. Они были у сотни врачей: и во Флоренции, и в Риме. И все как один говорят, что они полностью здоровы. А детей так и нет. Стеф даже к какой-то цыганке ездил, боялся, что кто-то из его бывших подруг навел на него порчу. Но та сказала, что у него будет трое детей. Двое совсем скоро и один гораздо позже. Теперь Стеф повторяет это Ирэне каждый день, как заклятье, а она все равно не успокаивается. Я опять засмотрелся на горы, это место всегда напоминало мне горы Тосканы: невысокие, пологие, равномерно поросшие зеленью.

«Интересно, что сейчас делает Эли», – вдруг подумал я.

Она улетела три недели назад после нашей ссоры, и я все это время вообще не думал о ней. А сейчас вдруг вспом-

нил... Перед моими глазами тут же всплыл наш последний разговор и меня передернуло. Я никак не мог понять, почему именно с ней я становился самым ужасным воплощением себя. Я же вроде бы нормальный: у меня куча друзей, меня обожают дети, у меня по работе со всеми прекрасные отношения. Женщины, с которыми я сплю, тоже всегда мне рады, кажется, даже очень рады. Но рядом с Эли я всегда какой-то подавленный, даже злой. Рядом с ней я будто постоянно ловлю себя на мысли, что нельзя радоваться жизни. Но самое ужасное, что в постели с ней я иногда становлюсь садистом, и мне потом безумно стыдно. Но в тот момент, когда я вижу, как она лежит подо мной и не моргая смотрит своими почти прозрачными голубыми глазами, не произнося ни звука пока я вхожу в нее, мне хочется ее ударить. И тогда, чтобы этого не сделать, я просто изо всех сил сжимаю ее узкие бедра и трахаю еще сильнее. Сколько раз я думал потом, что лучше бы у меня член не стоял в эти минуты. Так нет, я наоборот по несколько часов не мог кончить, когда впадал в это состояние. Только с ней в постели со мной такое творилось. Я даже как-то у Лалы спросил, все ли со мной в порядке.

– О Мике, только что с тобой все было более чем в порядке. Или ты что-то другое имел ввиду? – Мы только закончили трахаться, и теперь голова Лалы лежала у меня на животе, пока она ловко сворачивала косяк. – Или ты где-то курил уже сегодня?

– Нет, я же тебе говорил, что уже больше года не курю

эту дрянь. – Я раздраженно потянулся за сигаретой, придерживая ее голову, чтобы она не вздумала убрать ее. Мне так нравилось чувствовать ее горячий затылок и жесткие завитушки волос на своей коже.

– Я имею в виду: все ли в порядке со мной в сексе?

– А, я поняла, – Лала перевернулась и устроилась на одном локте внизу моего живота. – Что кто-то не кончает с тобой? Так вот передай ей, что она просто фригидная дура, и бросай ее к черту.

Лала сделала затяжку и протянула мне косяк.

– Только не говори мне, что это твоя англичанка.

Я отодвинул ее руку и молча затянулся своим Мальборо.

– Давай уже рассказывай, что тебя волнует.

Лала конечно знала про Эли. Когда она впервые увидела нас в «Меркадонне», то сделала вид, что не знает меня. В Лале я никогда и не сомневался. Я часто думаю, найду ли такую, когда уеду отсюда. Как-то после очередного потрясающего секса я спросил ее, поедет ли она со мной в Италию.

– Конечно нет, – ответила тогда она.

Я опешил, ведь в глубине души все-таки был уверен, что Лала влюблена в меня.

– Я уехала из Колумбии, бросила свой дом и родителей. Теперь мой дом здесь. Тут друзья и моя сестра с детьми. Я никогда отсюда не уеду. К тому же ты, Микеле, из тех мужчин, которые влюбляются раз и навсегда. С тобой будет счастлива только та самая единственная женщина, с которой

вы будете любить друг друга по-настоящему. А всех остальных ты с ума сведешь своей отстраненностью. Это ведь только с виду ты душа компании, а на самом деле очень далек от всех. Поэтому только ей разрешено бросать все и ехать за тобой хоть на край света.

Иногда, когда Лала говорила такие вещи, мне становилось страшно от мысли, что она знала меня лучше, чем я сам.

Тогда после нашей встречи в супермаркете, когда я сразу после отъезда Эли пришел к ним в бар, Лала мне прямо с порога сказала:

– Ты не мучай бедную девочку. Лучше придумай что-нибудь и брось ее прямо сейчас. Она пострадает годик-другой и встретит такого же зануду, как она сама. Если дольше с тобой потянет, то шансов у нее немного останется.

Убедившись через год, что я ее не послушал, Лала стала в шутку передавать Эли приветы. Хотя отлично понимала, что я этого не сделаю. И вот теперь, когда я рассказал ей о своих садистских желаниях, она молча меня выслушала, сделала затяжку, затушив почти целую сигарету и серьезно посмотрев на меня своими огромными почти черными глазами, произнесла:

– Мике, а как ты хотел? Ты почти три года с женщиной, которую не любишь. И не говори мне, что ты сейчас не с ней. Она прилетает к тебе каждые два-три месяца, ты наверняка каждый день с ней созваниваешься или, по крайней мере, переписываешься, пока она в Италии. У вас точно есть общие

друзья, вы о них разговариваете, за эти годы у вас появились любимые места, куда вы ходите, у вас уже есть общие воспоминания. То есть в твоей жизни, которую ты считаешь такой свободной, есть часть, давно не принадлежащая тебе одному. Ты делишь ее с женщиной, которую не любишь. Понимаешь – не любишь! Если бы ты был расчетливым и холодным, ну или просто серьезно задумался об этом, то давно женился бы на ней как на хорошей матери для твоих будущих детей и продолжал бы жить своей жизнью. А иначе тебе нужно понять, что рано или поздно она сама тебя на себе женит, и станешь ты тогда непутевым, вечно находящимся в поиске мужем. Ты, Микеле, романтик и никакого расчета в чувствах не признаешь, но ты же не идиот. Не такой ты конченный эгоист, чтобы не понимать: нельзя жить не со своей женщиной, особенно такому человеку, как ты. Так вот, пока ты не признаешь этого, твое подсознание будет творить все эти странные вещи с тобой. Твой садизм – это способ наказать себя и ее за то, что ты по какой-то причине смирился с китайской подделкой вместо «мэйд ин Итали». Понимаешь?

– Ты что об этом раньше уже думала? Обо мне и Эли, – Я погладил Лалу по голове.

– Конечно думала, придурок. Или ты считаешь, что я со всеми подряд трахаюсь?

Я провел пальцем по ее пухлым губам, по высоким скулам.

– Иди ко мне, хватит об этом...

Как-то само собой получилось, что после этого разговора Эли не приезжала месяцев пять. У нее было много работы, болела мама и я постепенно забыл о словах Лалы. Хотя, выйдя в тот вечер от нее, я пообещал себе прямо с утра подумать серьезно обо всем этом. Не вспоминал я об этом разговоре до последнего приезда Эли. Он всплыл в моей памяти, когда я получил от нее сообщение, что она завтра прилетает. У Эли была идиотская манера предупреждать меня о своем прилете максимум за день, когда у нее уже были куплены билеты. Я уже как-то свыкся с этим. Но в тот раз я опять завелся из-за этой странной привычки.

Все не заладилось с самого начала. Она по ошибке указала в сообщении не тот аэропорт, я отменил экскурсию и поехал в столицу, а она прилетела прямо на побережье, в южный аэропорт, который находится почти у меня под домом. У нее не включился роуминг, и она не смогла меня набрать. Решив, что я забыл о ней, идиотизм конечно, учитывая, что ни разу за все годы такого не случалось, Эли поехала ко мне домой на автобусе. Меня там, конечно, не было, ведь я был за двести километров, в Санта-Крус, ходил по аэропорту, пытаюсь понять, куда делся самолет «Алиталии» из Рима. Хорошо, что знакомая гид из «Долфин тревел» сказала, что по пятницам «Алиталия» из Рима прилетает в Южный аэропорт. Мы позвонили туда, и конечно самолет уже два часа как приземлился. Телефон Эли все это время был вне зоны. Я подумал о потерянных пяти часах, отмененной экскурсии

на семь человек, а это почти месяц арендной платы за квартиру, и об идиотской манере сообщать о прилете за день.

Домой я приехал по-настоящему злой. Эли с несчастным видом сидела на ступеньках в длинном полосатом платье и каких-то страшных пыльных тапочках.

Вообще, если вначале нашего знакомства она ходила в коротких платьях, и я даже засматривался на ее длинные ровные ноги, то последний год она вдруг перешла на длинные юбки и какие-то бесформенные платья. Я даже поехал сам по магазинам и купил ей несколько коротких сарафанов и юбок, но это все так и лежит с этикетками у меня в шкафу.

Обычно после того, как мы не виделись по три-четыре месяца, Эли бросалась мне на шею, целовала и в первый вечер всегда говорила мало, зато слушала меня с восторженным видом. В тот вечер на шею мне никто не бросился. Я тоже конечно немного вспыхнул вначале, но как всегда быстро отошел и уже изо всех сил пытался все сгладить. Но я все равно не смог вытащить из нее ни слова. На все вопросы о Флоренции, родителях, Ирэне – она отвечала односложно. В конце концов, я бросил попытки ее разговорить, понимая, что как всегда бывает рядом с Эли, я уже чувствую себя во всем виноватым. Эли сосредоточенно мыла холодильник. Посмотрев на нее, я понял, что сегодня не хочу секса, по крайней мере, точно не с ней. Я всего два дня назад провел всю ночь у Лалы, так что, зевнув, пошел смотреть Лигу чемпионов. Играли французы с немцами, я так увлекся, что вообще за-

был, что не один дома. Эли я нашел уже спящей в кровати, как обычно на самом краю. Она всегда старалась занимать как можно меньше места в моей постели. Понятно, что секса у нас в тот день так и не было. То, что у нас его не было в ближайшие пять дней, я вдруг понял, когда проснулся от эрекции под утро и, машинально сжав член рукой, вспомнил, что я все-таки не один. Мы уже нормально общались, но о сексе я в эти дни не вспоминал, а Эли никогда не проявляла инициативу первой. Я повернулся на бок и посмотрел на нее, лежащую ко мне спиной. Я откинул с нее простынь, нащупал трусики, поспешил палец и сдвинул их в сторону. Эли, как ни странно, была теплая и влажная. Обычно мне требовалось постараться, чтобы мой член мог войти в нее. Почувствовав, как легко все получилось сегодня, я возбуждился еще сильнее. Я слегка отодвинулся, чтобы видеть, как вхожу в нее. Эли не поворачивалась, но через несколько минут я услышал, что она начала стонать, в тот же миг я почувствовал, как мой член сжался от содроганий ее влажных стенок. Я начал двигаться еще быстрее, поняв, что она только что кончила, как мне кажется, первый раз за все время со мной. И почти сразу я почувствовал, как ее сиреневая футболка начинает плыть у меня перед глазами. Я впился пальцами в ее бедра, и меня накрыло волной удовлетворения, я даже не успел спросить, куда мне можно кончить. Мне было так хорошо, мой член продолжал содрогаться, что я и не думал выходить из нее. Прижавшись к ее влажному затылку, я поцеловал его. Я был

абсолютно счастлив в то утро. После этого с Эли что-то произошло. Вечером она надела короткое нежно-розовое платье и так игриво улыбалась мне, когда мы гуляли по Лас-Америкас, что я, пообещав ей ужин дома, посадил ее в машину и повез назад, всю дорогу в машине глядя ее через трусики.

Дома мы начали трахаться, как только зашли в квартиру. Я взял ее прямо в коридоре на комод, и она опять была мокрая. У нас опять был прямо фантастический секс. Так продолжалось целую неделю. Такое впечатление, будто после первого оргазма в ней что-то открылось. Я наконец видел, что она тоже хочет меня. Эли сама начинала меня трогать, ласкать, когда я вел машину. Один раз это даже закончилось сексом на парковке для серфингистов, прямо возле пляжа. Эли стала увереннее, ее вечная зажатость куда-то делась. Мы много смеялись, я опять заметил, какие красивые ямочки у нее на щеках и какие ровные белые зубы. Пару раз я даже увидел, как незнакомые парни на улице смотрят на ее ноги. И я был рад, что у меня больше не возникало желания сделать ей больно, наоборот, всю неделю мне хотелось наслаждаться сексом с ней. Хотелось попробовать что-то новое, чтобы она стала еще раскованнее.

В один из вечеров, лежа в постели после секса и уже почти засыпая, я вдруг вспомнил, как мы когда-то занимались сексом с Лалой и ее подружкой втроем. Это был единственный раз, когда я был с двумя девушками. Иногда я спрашивал Лалу, не хочет ли она это повторить, но та всегда отнекива-

лась. От этого воспоминания я опять возбуждился. Прижавшись к уху Эли, я прошептал:

– Представь, будто сейчас за нами кто-то наблюдает, какая-нибудь девочка... давай представим, что она, например азиатка, такая аккуратненькая, с маленькой грудью, с гладкой кожей. Она сейчас наблюдает за нами, и ей тоже хочется, она уже мокрая вся от возбуждения. А теперь представь, как она сейчас послуявит свой пальчик и начнет трогать себя...

С этими словами я начал ласкать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.